

В ВИХРЕ ВРЕМЁН

Я – СПАРТАК!

Валерий АТАМАШКИН

В вихре времен

Валерий Атамашкин

Я – Спартак! Битва за Рим

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Атамашкин В. В.

Я – Спартак! Битва за Рим / В. В. Атамашкин — «Махров»,
2018 — (В вихре времен)

ISBN 978-5-6040914-4-9

Продолжение противостояния лейтенанта ФСБ Спартака Гладкова и олигарха Марка Красовского, угодивших в Древний Рим. Благодаря вмешательству лейтенанта Гладкова восстание рабов не потерпело поражение, но угроза все еще высока: в повстанческий лагерь доходят неутешительные вести – армии Красса и Лукулла готовы объединиться и добить легион гладиаторов. Спартак решается на отчаянный шаг и посылает навстречу врагам разведывательно-диверсионные группы, поставив им задачу создать полосу «выжженной земли». Тысячи лучших бойцов утопят земли Римской республики в крови, сожгут латифундии и маленькие городки, уничтожат все запасы продовольствия, обрекая на голод не только войска, но и мирных жителей, однако другого выхода у лейтенанта Гладкова попросту нет – ему необходима передышка, чтобы пополнить свой легион и продолжить освободительную войну.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6040914-4-9

© Атамашкин В. В., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерий Владимирович Атамашкин

Я – Спартак. Битва за Рим

© Атамашкин В.В... 2018

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

Пролог

Светало. Девять дней подряд я вставал до рассвета и спал всего по несколько часов за ночь. Мешки под глазами, осунувшееся лицо, новые морщины, мой внешний вид пугал гладиаторов, и я ловил на себе взволнованные взгляды своих бойцов. Думы не отпускали меня ни на миг, я сгорал изнутри в поисках правильного решения. Десять дней подряд я обещал себе сделать выбор, который расставит все по своим местам. Увы... Ничего не выходило. Дни сменялись днями, я бродил по лагерю, тщетно пытался совладать с вихрем собственных мыслей, но возвращался в палатку ни с чем. Обессиленный валился на шкуры, отказывался от ужина, в надежде, что сон вернет мой покой, но ночь мучилась в кошмарах и полудреме. Решения не было. Почему? Потому что я хотел выиграть войну. Я не хотел больше выживать.

Я в очередной раз проснулся перед рассветом, чтобы выйти за лагерные стены. Дозорные, как всегда бдительные, внимательные, но уставшие к концу смены, приветственно вскинули руки, приоткрыли ворота. Я ответил коротким кивком, вышел из лагеря. Не спеша прошелся вдоль крепких стен, безразлично рассматривая башни, частокол, ров и вал. Повернул к берегу Ауфида, чтобы там с головой погрузиться в свои думы.

После разгрома легионов Красса мы взяли форсированный марш, прочь из Брундизия, к северо-западу. Через несколько лиг свернули с Аппиевой дороги, обогнули побережье Адриатического моря, остановились в устье Ауфида. Я искренне верил, что воспользуюсь неразберихой, оторвусь от Лукулла, не сумевшего высадиться в брундизийском порту. Переход облегчал приход весны. Таял последний снег, в прошлом остались морозные ночи, с моря дул теплый ветер. Предвестником настоящей весны стали первые побеги на деревьях, пусть ночами мы все еще кутались в плащи, а изо рта шел густой пар. Весна забирала свои права, жизнь повстанца стала гораздо легче. Я рассчитывал, что вместе с отступающими холодами на смену черной полосе неудач придет белая полоса везения и громких побед.

Мы передвигались стремительно, налегке и покрыли расстояние от ворот Брундизия до устья Ауфида за три полных дневных перехода. Здесь я оборвал наш марш-бросок. Убегать дальше не было никакого смысла. На берегу реки, не имея перед собой дальнейшей цели нашего марша, я принял волевое решение остановиться. Лагерь разбили на возвышенности, заняв стратегически выгодную позицию. Куда бы я ни шел, как далеко бы ни отвел войска, римлянин рано или поздно нагонит нас и навяжет бой. Факт, который необходимо было осознать и принять. Чем раньше я бы это сделал, тем больше времени у нас оставалось подготовиться к схватке.

Буквально из ничего на холме выросла крепость. Наш лагерь расположился всего в нескольких милях от небезызвестной римской колонии Канны, и появление под боком горожан повстанцев привело местных жителей в ужас. Люди помнили легенды о Ганнибале, некогда наголову разбившем армию римских консулов, и долгое время опасались покидать Канны, несмотря на мой строгий запрет гладиаторам трогать горожан.

С тех пор минуло двенадцать дней. В лагере вырос гарнизон с внушительным частоколом, глубоким двойным рвом и валом. Несколько сот палаток из крепких коровьих шкур спрятались за массивной стеной из бревен молодого дуба. Строили на римский манер, палатки делились на сектора, были выделены две центральные улицы и несколько переулков поменьше. На четвертый день гарнизонная стена замкнула лагерь кольцом, выросли дозорные башни, по типу тех, что я видел на линии Красса в Регио. Мы возвели неприступный лагерь, и очень скоро к нашим стенам начали стекаться италики, затаившие злость на римлян после гражданской войны. Местные в своей обиде готовы были помочь любому, кто выступит против существующего режима. Их нисколько не смущала дурная слава восстания и грозный нрав гладиаторов. Первыми к стенам нашего лагеря явились менялы и шлюхи, коих я не раз замечал выходя-

щими из палаток своих бойцов. Возможно, прав был Веспасиан, который, как бы это странно ни звучало, только через полтора века скажет, что деньги не пахнут. Местные охотно брали деньги из наших рук, заключали сделки, поэтому за две недели нашего пребывания в устье Ауфиды повстанцы обустроились, закипел быт. Несмотря на мой отказ от идеи повстанческой казны как от лишнего груза во время длительных и утомительных переходов, карманы многих гладиаторов были забиты сестерциями под завязку.

Вечером пятого дня разведка сообщила, что Красс не менял маршрута и ведет свои войска в Рим. На следующий день стало известно, что мы оторвались от Лукулла, который вместе со своими легионами до сих пор не покидал Калабрию. Очень скоро вести об этом распространились по лагерю и окончательно умиротворили моих бойцов. Никто из них, включая Рута и Тирна, не разделял моих опасений, что умиротворенность эта обманчива. Для гладиаторов лагерь был единственным за последние несколько месяцев шансом перевести дух, на какое-то время забыться, отстраниться от реалий военного времени с помощью вина и женщин. Я же видел в лагере шанс переосмыслить произошедшее с тех пор, как я попал в мир, ставший для меня родным, настоящим и, как мне казалось теперь, таким понятным. Однако мысли, посетившие меня в первый же вечер, едва не свели с ума. С остатками своего войска я оказался зажат между губок одних больших невидимых тисков.

С одной стороны, над нами нависла угроза Лукулла. Варрон предпринял неудачную попытку захода в брундизийский порт, после чего высадился в порту одного из калабрийских городов, обогнув побережье. Там полководец приводил свои войска в полный боевой порядок, готовился к выступлению, сподручно собирал информацию о нашем местоположении и возможностях. С другой стороны, никуда не делся Красс. Марк Лициний подступил к Риму и вступил в жесткие переговоры с сенатом, лишившим богача полномочий в этой войне. Стоило Крассу выправить свое положение, вернуть себе прежние регалии, как он вновь с головой окунется в нашу незаконченную войну. Тщеславный, самонадеянный, Марк Лициний не даст Варрону Лукуллу шанса поставить точку в подавлении восстания. С проконсулом у нас остались личные несведенные счета. Размышляя, я понимал, что скоро невидимые тиски сомкнутся. Ударит Лукулл, ударит Красс, и в восстании гладиаторов будет поставлена точка. Подход римлян отрежет нас от продовольственной подпитки италиков. Что останется тогда? Попытка обороняться за неприступными стенами, пока голод не вынудит нас открыть ворота и принять схватку в открытом бою? Я знал, что Красс не поведет свои легионы на пролом, не рискнет брать лагерь штурмом. Слишком свежи были раны Марка Лициния, он хорошо помнил горечь своих поражений. Назвать же дураком Лукулла не поворачивался язык. Римлянин выжидал, чтобы ударить наверняка, оттого осторожничал. Мне понадобился не один день, чтобы смириться с мыслью – наш лагерь, размером и размахом ничем не уступавший лучшим римским образцам, а то и превосходивший их, был огромным мыльным пузырем, полумерой. Он занял умы гладиаторов, заставил потратить силы на возведение высоких стен, но ничего не мог дать нам взамен. Остаться в лагере значило проиграть. У решения разделиться под Гераклием была обратная сторона. Несколько тысяч моих гладиаторов ничего не могли противопоставить десяткам тысяч римских легионеров. За разгром Скрофы под Брундизием и уклонение от схватки с Лукуллом мы заплатили слишком дорогую цену. Сейчас настал мой час расплачиваться по долгам. Я понимал, что нам придется покинуть лагерь, будь иначе, и холм у Канн станет огромной братской могилой восстания. Но передать пустой лагерь в руки римлян... Мысль заставляла расписаться в собственном бессилии. Не в моих привычках было опускать руки. Я искал выход из сложной ситуации, в которой мы оказались.

Мой взгляд устремился к просторам, раскинувшимся далеко за пределами римских земель. Там, куда пока только тянулась жадная рука Рима, с каждым годом отхватывающая все больший кусок. Мы все еще могли наступить на горло собственной гордости, плюнуть, отсту-

пить. Рвануть через Альпы, пока тиски Красса и Лукулла не сомкнулись, пока не пролилась кровь...

Я поймал себя на мысли, что какой-то месяц назад еще готов был бы увести с Апеннинского полуострова людей! До чудовищного прорыва с Регия, до жертвы Ганника у Гераклия и сражения у брундизийских стен. Тогда были живы тысячи тех, кого я теперь называл братьями и поклялся отомстить за их смерть! Каждый из нас поклялся, что восстание закончится с последним оставшимся в живых рабом, сбросившим с себя оковы неволи! Теперь я понимал, что это не просто война рабов и господ, в центре которой я оказался благодаря случаю! Нет, война мёоезийца Спартака оказалась моей войной, войной Спартака Гладкова.

Глава 1

– С рассветом мы покинем лагерь...

Непродолжительная речь была эмоциональной.

Я чувствовал напряжение, ловил на себе недоуменные взгляды и хотел донести до полководцев, что мое решение окончательно, но запнулся. Мне не дали закончить. Как только я предложил собрать к рассвету десяток мобильных групп, которые покинут лагерь и разойдутся по Апулии, слова были восприняты в штыки. Меня перебил Рут. Гопломах буквально подпрыгнул на месте, словно ошпаренный, и засыпал меня вопросами.

– Мёезиец, – Рут смотрел на меня внимательно, томным взглядом исподлобья. – Перенесем совет! Видят боги, ты не отдаешь отчет своим словам! Зачем ты собрал нас ночью? Что-то случилось? Если нет, соберемся днем, а ты ляг да хорошенько отдохни? К чему такие поспешные решения? Ты рискуешь, если собираешься выводить из лагеря тысячу человек разом! Ты узнавал обстановку? Посылал в округу разведчиков?

– Нас не так много, – подхватил Тирн, молодой галл обеспокоился не меньше опытного гопломаха. – Может, стоит все взвесить? Кто останется в карауле?

Я с трудом сдержал бурлящий внутри меня гнев, глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Полководцев выдернули из-за стола, где они коротали время в компании других гладиаторов и каннских шлюх. Все до одного, военачальники были поддаты, а Рут вовсе с трудом держался на ногах и теперь позволял себе вольности. Донести до них информацию представлялось крайне затруднительным делом. Военачальники ничего не хотели слушать и воспринимали сказанное мной в штыки. Сказывалась навалившаяся на меня усталость. Глаза буквально слипались, да и говорил я с трудом.

– Нет, продолжим совет. Я отдаю отчет своим словам! Я сказал, что все произойдет на рассвете! Если не сделать этого, все пропало! Никаких промедлений! Как раз потому, что нас не так много, шансы в войне видятся мне совсем призрачными!

– Спартак, ты выглядишь отвратительно... – Тирн поймал на себе мой тяжелый взгляд, осекся, не стал развивать свою мысль. – Хорошо... Что значит на рассвете? Твои слова... – осторожно продолжил галл, но его перебил Рут, у которого после выпитого вина не в меру развязался язык.

– Бредятина, – раздраженно фыркнул гопломах. – Ты уж извини, мёезиец, но это так! Такое скажешь, что хоть стой, хоть падай!

– Объяснись, – спокойно ответил я.

Рут уставился на меня ословевшим взглядом.

– Мы не успеем подготовиться за одну ночь, – пояснил он и скрестил руки на груди. – У нас не хватит времени выступить из лагеря на рассвете! Да и не кажется ли тебе, что мы возвращаемся к прежним позициям?

Я смачно выругался. Рут понятия не имел, почему я предлагал выступить из лагеря на рассвете, но готов был биться головой о стену, чтобы доказать свою правоту. Черта, за которую мне так нравился гопломах, сейчас безумно раздражала.

– К Гераклию? Хочешь сказать, я возвращаюсь к Гераклию, Рут? – вспыхнул я.

– Твои слова! – безразлично кинул гопломах в ответ. – Я не видел смысла разделяться под Гераклием, не вижу необходимости сейчас. Ты убедил меня, что на войне нет места пахарю или кузнецу? Так почему теперь говоришь об обратном! Как это понимать? Ты же предлагаешь набрать в войско неумех!

– Выслушай до конца! – устало выдохнул я.

Со стороны мое предложение выглядело отвратительным. Собственные принципы загнали меня в тупик. Я осознавал это не хуже полководцев и смирился с тем, что совет посте-

пенно превратился в базар. Главным сейчас было показать, что между разделением наших войск под Гераклием и моим новым стремлением расширить войско пришлыми рабами пролегал огромная пропасть. Чтобы показать разницу полководцам, следовало донести до них свою мысль, пока же военачальники не давали мне возможности высказаться и продолжали галдеж.

Рут отмахнулся, не став слушать. Его язык заплетался.

– Я знаю тебя лучше всех, Спартак, имею право называть тебя братом! – он покачал головой. – Уверен, с утра ты не повторишь в свои слова!

– Рут...

– Не надо, Спартак, выслушай меня. Оставлять лагерь пустым, уходить в поле с армией наших лучших рубак? Ты полагаешь, римлянин будет наблюдать за нами сквозь пальцы? Да ты подставляешь нас под удар! Ради чего? – гоппомах завелся, лицо его покрылось красными пятнами. – Ты предлагаешь пополнить наши ряды пахарями и свинопасами? Лишняя обуза, лишние рты...

– Дослушай до конца и не задавай глупых вопросов! – взъярился я, перебивая Рута, готового говорить без умолку. – Прекрати трепаться, и мы начнем совет, как полагается?

Рут замолчал, виновато потупил взгляд, оперся на стол.

– Без обид, Спартак, каковы слова, такова реакция, – в разговор вступил Аниций.

Высокий галл имел рельефную мускулатуру, туловище от ключицы до бедра рассекал рваный шрам. Украшение, как заверял интересующихся сам Аниций, гордившийся своим шрамом и выставляющий его напоказ перед публикой. Так и сейчас, сагум на Аниции был накинута на голый торс, каждый желающий мог поглазеть на шрам своими глазами. По слухам, ходившим среди гладиаторов, за бой, в котором Аниций получил этот шрам, гладиатору преподнесли рудий.

Я буквально просверлил Аниция глазами, но не торопился с ответом. Помимо меня в просторной палатке собрались Тирн, Рут, Аниций и Лукор, мое ближайшее окружение. Последние двое появились в совете уже в лагере. Их же двоих я выдернул из-за игального стола. Аниций и Лукор коротали время за игрой в кости и пили местное вино. У Аниция заплетался язык, он не далеко ушел от Рута по части выпитого. Неудивительно, кувшин на игальном столе оказался наполовину пуст, еще несколько пустых кувшинов стояли под столом. Впрочем, ни Аниций с Лукором, ни выпивший Рут, ни даже Тирн, выдернутый из палатки, где он проводил время с городской шлюхой, знать не знали, что сегодня ночью состоится совет. В час, когда я собрал своих полководцев, перевалило за полночь, давно закончился ужин, был дан отбой, а на стены выступил ночной караул. Обвинять кого-то из них в том, что он явился на чрезвычайный совет поддатым или в непотребном виде, было глупо. Возможно, в чем-то Рут был прав, когда предлагал перенести совет на завтра, эти четверо протрезвеют и проснутся на утро с холодной головой. Однако время, которого до недавнего момента у нас было хоть отбавляй, теперь поджимало. Откладывать разговор до утра я не мог, пусть после многих бессонных ночей, проведенных в думах, выглядел я действительно паршиво. Все, что я мог сделать сейчас, – дать военачальникам успокоиться, чтобы они выслушали мои слова и поняли, что я хочу сделать на самом деле.

Я сидел на бревне, медленно водил подушечками указательного и большого пальцев друг о друга, когда ко мне подошел Рут. Гоппомах положил свою мозолистую ладонь на мое плечо.

– Ты сделал все, что мог, мы в полной безопасности за этими стенами! Красс в Риме, Лукулл на восточной границе Апулии! Я знаю, что все эти дни тебя тревожит наша судьба, но сейчас нам не о чем беспокоиться, брат! Совет подождет до завтра, а твой сон нет. Лагерь – надежное место, я не вижу причин его покидать.

– Как бы я хотел ошибаться, но это не так! Продолжим, – сухо ответил я.

Все четверо переглянулись. Наконец, видя, что я не намерен переносить совет, гладиаторы насторожились.

– Мы готовы слушать, даже если ты будешь говорить до самого утра! – пожал плечами Аниций, смилившийся, что ему не удастся доиграть брошенную игру и допить незаконченный кувшин с вином.

– Спартак, что-то произошло? – Рут, знавший меня лучше всех, нахмурился, забеспокоился.

Я выразительно посмотрел на гопломаха, тот коротко кивнул в ответ. Хорошее настроение, с которым Рут зашел в мою палатку, мигом улетучилось. Показалось, гопломах разом протрезвел. Наконец, гладиаторы справились с собственным любопытством. Они разместились на бревнах, все как один сложили руки на коленях, приготовились слушать. Надо сказать, дни, что мы стояли лагерем в устье Ауфиды, пошли моим бойцам впрок. На высушенных жестокой холодной зимой лицах вновь появился здоровый блеск, затянулись раны на теле, отступили болячки. Возможность сообщения с италиками и римскими купцами из Канн обеспечила нас провиантом в достаточном количестве, чтобы быть сытыми и вернуть утраченные за зиму силы. Все это радовало и объясняло негативный настрой Рута, Тирна и остальных.

– Все очень просто, братья, – начал я. – Я просчитался, когда приказал разбивать на берегу реки лагерь! Лагеря не должно было быть! Все это время мы растрачивали силы впустую! Наш лагерь – недоразумение, – я развел руками.

Мои слова поставили гладиаторов в тупик. Рут принялся чесать макушку. Тирн положил руку на затылок. Аниций прочистил горло, а Лукор потупил взгляд. Первым сориентировался гопломах.

– Что произошло, Спартак? Почему ты так говоришь? – осторожно спросил он.

– Что изменилось? – удивился Тирн. – Мы что-то не знаем?

– Может я знаю меньше твоего, мёбозиец, но мне видится, что время в лагере пошло на пользу восстанию! И пойдет впредь! – сказал Лукор.

– Пойдет! Если в лагере не появится тысяча дармоедов, которые понятия не имеют о войне, а меч видели издалека! – презрительно фыркнул Аниций, полководец не собирался скрывать своего пренебрежения. – Считаешь, что мы не справимся сами?

Я уловил на лицах гладиаторов растерянность, смешанную с раздражением, даже злостью. Военачальники пытались уловить смысл сказанных мною слов, получалось едва ли.

– Сами? – я покачал головой. – За высокими стенами ваши мозги залило каннским вином, раз вы не желаете видеть дальше своего носа! Видели бы вы свои лица! Может быть, мне извиниться перед тобой Тирн? За то, что оторвал тебя от городской шлюхи? Или перед вами, Аниций, Лукор? Вам, наверное, хотелось закончить свою игру? Кстати, чей был ход? А?

– Спартак...

– Я знаю, как меня зовут, Рут, или ты хочешь попросить меня долить вина в свою чашу? – взорвался я.

– Не горячись, Спартак! Вернемся к обсуждению! – приподнял бровь на своем единственном целом глазе кельт Лукор.

Я отмахнулся, принялся мерить шагами палатку. Внутри меня все кипело. Захотелось съездить по физиономии кому-нибудь из гладиаторов, спустить пар, но я сдержался. Переключать вину с больной головы на здоровую было не в моих правилах. Ошибку допустил я, и груз ответственности следовало взвалить на свои плечи. Глупо винить кого-то в собственных промахах. Я несколько раз глубоко вздохнул, успокоился, наконец остановился.

– Мне не следовало говорить эти слова, – прошептал я.

Гладиаторы молчали.

– Останься все так, как есть, и у нас не будет ни единого шанса, в этом и заключается мой просчет... – выдохнул я.

– Мне казалось, что за крепкими стенами, за рвом и валом шансов в борьбе с римской тварью у нас больше, нежели на открытых равнинах и холмах? – озадаченно протянул Лукор. –

Мы каждый день укрепляем лагерь, делаем все, чтобы сбить с римлян спесь, когда дело дойдет до сражения. Провались я на месте, если им придется по вкусу сражение у этих стен! Ты же предлагаешь покинуть лагерь и дать бой в лоб? Ха, я отдаю должное твоему гению, но римлян слишком много, чтобы принимать бой в поле, а стены лагеря уравнивают наши шансы!

– Полагаешь, Лукулл сломя голову полезет на наши стены? – я насупил. – Не потому ли он тянет с маршем, что до мелочей просчитывает каждый последующий шаг?

– Много чести римлянину! Лукулл обделался, когда узнал, что Красс подошел к Риму со своими легионами. Теперь Лукулл ждет, кому достанется власть в Республике и как верный пес будет готов вылизать хозяину яйца, а сейчас стоит на задних лапках и машет хвостом! – отмахнулся Аниций.

– А ты не думал, что он ждет Красса? Чтобы ударить по нашему лагерю с двух сторон и просто перемолоть? – возразил я.

Аниций вздрогнул. Мысль не приходила в голову храброго воина и стала для него откровением.

– Красса? – прошептал он.

– Красса, – подтвердил я.

– Не думал, – честно ответил Аниций. Обдумывая мои слова, галл потупил взгляд.

В наш разговор вступил Рут.

– Предположения, Спартак! Объясни, чем нам помогут неумехи, самое время это сделать! – гоplodeж всплеснул руками. – Лучше, чем терять на них время, укрепим наш лагерь! Армия Лукулла в нескольких дневных переходах от нас, а Красс со своими легионами остановился у стен Рима!

Вновь поднялся галдеж. Гладиаторы перебивали друг друга, не давали высказаться.

– Рут! Тирн! Лукор! Аниций! – я врезал кулаком по столешнице, привлекая внимание военачальников.

– Что бы не надумал римлянин, пусть попробует взять наш лагерь, ничего не выйдет, – Аниций наморщил лоб, уставился на меня косыми от выпитого вина глазами. – Я со своими людьми костями лягу, но захвачу не одного римлянина на тот свет, прежде чем паду сам, помпни мои слова, Спар...

Слова Аниция стали последней каплей. Короткий хук свалил Аниция на пол, я выхватил гладиус и приставил острое лезвие к шее гладиатора.

– Еще раз перебеешь меня, и я не посмотрю на твои былые заслуги, галл! – прошипел я, обводя взглядом присутствующих на совете. – Не потерплю самоуверенности, и если вы не вытащите ее из себя, за вас это сделаю я! Возражения? – я кивнул на выход. – Проваливайте, я никого не держу!

Разгром Скрофы под Брундизем и оставление флотилии Лукулла в дураках дали повод гладиаторам рассуждать о своем превосходстве над римлянами на всех фронтах. Самоуверенность играла с гладиаторами злую шутку. Они не боялись своего врага и утратили способность мыслить трезво. Это было той непростительной ошибкой, за которую мы все могли поплатиться очень дорогой ценой. С гладиаторов следовало сбить спесь, ведь римляне отнюдь не были мальчиками для битья. Уверенность ни в коем случае не должна была переходить в самоуверенность. Теми силами, что есть, мы не справимся с римлянами. Полководцам стоило принять этот факт и намотать себе на ус.

Никто не сдвинулся с места. Я нехотя убрал гладиус, помог ошарашенному Аницию подняться. Галла шатало после пропущенного удара, но алкоголь из его головы разом улетучился. Полководец был подавлен и испуган.

– Когда римляне подведут к лагерю войска, как ветром сдует италиков, исчезнут каннские торговцы! Это надо объяснять? Или догадаетесь сами? Кто тогда скажет, сколько времени мы проведем за стенами лагеря, не высовывая носа? – ударение пришлось на последнее

слово. – Наших сил едва ли хватит для полноценной обороны лагеря! А маневр? Тактика? Кто прикроет нас, если понадобится совершить вылазку за стену, прорвать оцепление?

Ответов на мои вопросы не было ни у Аниция, ни у остальных. Споры закончились, военачальники слушали меня внимательно. Я продолжал. Слова приходилось подбирать, поэтому между предложениями я делал паузы.

– Римляне утонут в крови у стен нашего с вами лагеря! Сколько их умрет здесь? Десять тысяч, двадцать тысяч? – при озвученной мной цифре полководцы гордо задрали подбородки, но я поспешил остудить их пыл. – Что делать с остальными? Аниций? Тирн?

– Не знаю, Спартак, – ответил Аниций.

Тирн промолчал.

– Я тоже не знаю, – заверил я. – Не затем мы громили Красса и ускользнули из-под носа Лукулла, чтобы теперь бездарно проиграть свою войну в устье Ауфида? Я хочу выиграть в этой войне! И скажите мне, я похож на идиота? Рут?

Я уставился на гопломах. Рут покачал головой.

– Едва ли, Спартак, на идиота ты не похож, – ответил он.

– Так не выставляйте меня идиотом, который не понимает, что происходит! – взревел я. – Я не хуже вашего понимаю, к чему приведет появление в лагере неумех! Но если вы наконец дадите мне высказаться, то поймете, почему я так уверен в своих словах! – слова, все это время сидевшие глубоко внутри меня, дались с трудом.

Первым пришел в себя Тирн.

– Ты прав, каннские шлюхи и вино вскружили нам голову! – прошептал он.

– Хорошо, что ты это понимаешь! – Я спрятал лицо в ладонях, сосредоточился. – Повторюсь, нас слишком мало, римлянам нечего противопоставить, вот то главное, что я хочу вам донести. Красса и Лукулла не остановят наши стены, а мы не сдержим их легионы, если будем сидеть сложа руки.

– Что исправит появление невольников с латифундий? – недоверчиво спросил Рут.

– Дай мне карту, – попросил я.

Гопломах развернул на столе карту полуострова, я подозвал гладиаторов. Широкие апулийские просторы с севера омывались водами Адриатического моря, на востоке граничили с Калабрией, на юге с Луканией, а на западе с Самнием, Кампанией и Умбрией. Регион славился громадного размера пастбищами для выпаса скота и землями, на которых выращивали лучший на Апеннинах хлеб. Апулию издревле населяли мессапы, педикулы и певцеты, народы, долгое время сопротивляющиеся романизации, помнящие римскую несправедливость. Именно эти италийские племена помогали нам противостоять Республике, на их землях возникли первые латифундии в Апулии. На карте, лежавшей на столе, латифундии были обведены линиями. Я провел несколько часов, чтобы рассчитать примерные расстояния, разделяющие наш лагерь и виллы латифундистов, но время не было потрачено попусту, это стоило того. Мой палец остановился на точке, неподалеку от Канн и устья реки, в том месте, где мы остановились лагерем.

– Наш лагерь, – кивнул Рут, озадаченно растирая испарину, выступившую на лбу.

– Все верно, – согласился я.

– Рядом с Тарентом и Каннами целая куча римских латифундий, на которых еще трудятся невольники, – заметил Лукор, с любопытством рассматривая карту своим единственным глазом.

– Тебе что-то известно о них?

– Не думаю, что мне известно больше твоего, Спартак, но скажу, что это типичные римские уголья, – Лукор начал загибать пальцы. – Вилла, поля, охрана, куча невольников.

– Бывал там? – поинтересовался я.

– Бывать не бывал, но слышать слышал, – заверил кельт и оскалился. – В одно из таких мест попал мой соплеменник, я оказался на арене цирка, а он попал в поля. Рабам там приходится не сладко, как-то так.

– Не сладко? – возмутился Аниций. – Хозяин ценит жизнь свиньи выше человеческой жизни! На полях умер мой брат... – гладиатор не договорил, запнулся.

– За что на поля угодил твой брат? – спросил Рут.

Аниций поежился, возможно, припоминая какие-то свои переживания, тут же отразившиеся на его лице. Он ответил гоппомаху таким взглядом, что задавать вопросы перехотелось. Впрочем, я без того знал, что на латифундии попадали в основном те, кто совершил страшные преступления, включая убийство и изнасилование. Вряд ли брат Аниция был исключением из этого правила. Рут повернулся ко мне.

– Люди там быстро гибнут, а выжившие превращаются в дикарей, у которых остается мало чего человеческого. Но винить их за это ни я, ни ты не имеем никакого права. Лукор прав, для раба это самая незавидная участь, – пояснил он.

Мои обрывчатые знания о латифундиях целиком складывались из разговоров, которые мне доводилось слышать в лагере. Услышанного тогда и теперь хватило, чтобы понять – рабам на латифундиях приходилось не сладко. Доминусы относились к невольникам как к производственному инвентарю и обращались с ними как с вещью. У человека на латифундии не было личного времени. Если раб не спал, он работал, что было золотым правилом римского латифундиста, распоряжавшегося десятками, а то и сотнями рабов одновременно. Латифундисты боялись, что будь у раба свободное время, и в голову невольника обязательно придут дурные мысли, потому раба следовало чем-то занять. Подход римлян выжимал из людей, попавших к ним в рабство, все жизненные соки. Пахота в поле, подсобные работы, сбор урожая, все это за короткий срок превращало молодого, полного сил мужчину в дряхлого старика. Доля раба-латифундиста, если речь не шла о виллике-управленце, была самой страшной из всех. Даже гладиаторы, постоянно доказывающие свое право жить перед многотысячной возбужденной толпой, имели шанс выжить и обрести свободу, получив в бою рудий. Шанс раба с латифундии виделся в избавлении от мук посредством скорейшей смерти. Но и трудился в полях самый настоящий сброд. Как бы то ни было, в дальнейшем мне стоило узнать об этих местах подробнее. Мой палец заскользил по карте, к Гидрунтуму, городу-порту в самой восточной части Калабрии на побережье Адриатического моря.

– Что мы знаем сейчас? Здесь Лукулл высадился, форсировал переход к Аппиевой дороге, где встал лагерем неподалеку от Тарента. Известно, что он готовится к выступлению, которое может произойти в любой миг, – палец скользнул в другой конец карты. – Красс с легионами стоит у стен Рима и решает там свои одному ему известные задачи. Мы понятия не имеем, когда они захотят выступить, ошибочно было бы считать, что они не знают, как обстоят дела в нашем лагере!

– За это могу ручаться, мы ловили разведчиков, Спартак, – подтвердил гоппомах. – Вот только всех не переловишь, увы!

Я одарил его улыбкой в ответ. Контрразведка работала без нареканий, мы не раз ловили римских разведчиков неподалеку от наших стен. Однако, Рут был прав, вести о нашем местоположении и план лагеря давно лежали на столе обоих римских полководцев. Лукулл и Красс лезли из кожи вон, дабы получить подобные сведения, и не жалели на это ни сил, ни денег, ни жизней своих людей.

– Важно другое, – продолжил я. – Мы понятия не имеем, что римляне предпримут дальше, тогда как наши действия для них кажутся очевидными!

– Подробнее, Спартак, – попросил Тирн.

– Вполне логично, что если мы выстроили лагерь с прочным гарнизоном, то именно отсюда захотим принять бой? – я приподнял бровь, ожидая реакции молодого галла.

Тирн охотно кивнул, соглашаясь с моими словами.

– Оба полагают, что мы готовимся к осаде, и даже вы на начало совета были уверены в этом на все сто! Ты, Рут, или ты, Тирн, не вы ли думали, что мы запремся в лагере и примем неравный бой? – я усмехнулся. – В их руках право ударить первыми, тогда как мы лишены всякого маневра! Тебя это устраивает, Аниций? А тебя, Лукор?

Гладиаторы промолчали, превратившись во внимание.

– Это никого не устраивает, – заверил Тирн. – Что ты предлагаешь?

– Ты невнимательно слушал, галл, Спартак сказал, что для победы мы приведем в лагерь невольников с латифундий! – заверил Рут, я уловил нотку раздражения в его словах. Похоже, гопломах все еще не верил, что с помощью латифундийских рабов мы сможем уравнять наши шансы в сражении с римлянами.

– Я слушал внимательно, – Тирн нахмурился, молодому галлу пришлось не по душе замечание гопломаха. – В отличие от тебя, Рут, я всегда слушаю внимательно!

– Не время для споров! – пресек я спор гладиаторов, готовый перерасти в конфликт. – Я действительно собираюсь привести в лагерь невольников, вот только нас с вами в лагере уже не будет!

– Как так? – Лукор от удивления подпрыгнул на месте.

– Что ты имеешь ввиду? – насторожился Рут, тут же позабыв об обидном выпаде молодого галла.

– Покинуть лагерь? – удивился Тирн.

– Кто останется в лагере? – спросил Аниций.

Я дождался, когда вопросы полководцев иссякнут, и продолжил.

– Своим бездействием римляне дают нам время, я не собираюсь тратить его впустую! Крассу и Лукуллу не обязательно знать, что наши планы изменились, правда? Я всего лишь предлагаю развязать нам руки, чтобы у восстания появилась возможность маневра!

Мои слова застали военачальников врасплох. Все четверо полководцев молчали, обдумывали сказанное. Я решил дать время гладиаторам опомниться, понимая, что, если продолжу говорить, меня не станут слушать. На лицах военачальников читалась целая гамма чувств, но ни у одного из них я не видел выражения недоверия. Наконец Рут внушительно прокашлялся.

– Как они ничего не будут знать, если мы покинем лагерь, Спартак? – озадаченно спросил он.

– Что бы сделал ты, Рут, если твой враг вдруг начал уходить из-под твоего носа? – ответил вопросом на вопрос я.

Рут растерянно пожал плечами.

– Как что? Наверное, попытался бы его догнать, – предположил он.

– Римляне поступят точно так же! Мы заставим их действовать неподготовленно, опрометчиво, тогда как сами будем готовы к осаде! – выпалил я.

– Но мы ведь покинем лагерь, – не унимался гопломах.

– Покинем, – согласился я. – Но это не значит, что лагерь будет пустовать...

– Постой, Спартак, ты хочешь отдать лагерь невольникам с латифундий? – глаза Тирна округлились.

– Наберись терпения, ты все узнаешь. Одно могу сказать точно, братья, если не сделать то, о чем я сейчас скажу, наши усилия пойдут прахом, а жертвы окажутся напрасными.

Мои военачальники переглянулись.

– Продолжай, мёоезиец! – выдавил Лукор.

Я хлопнул в ладоши, призывая военачальников вернуться к карте.

– К рассвету разбейте войско на отдельные вексилляции от тридцати до пятидесяти человек, назначьте командующих! Утром каждая из таких групп выдвинется в римские латифундии, которые я обозначу на карте...

Распоряжения были отданы. Совет, который с самого начала складывался непросто, закончился. Теперь моя безумная идея казалась все более реальной. Глаза моих военачальников загорелись озорным блеском. Пусть гладиаторы покидали мою палатку, толком не понимая конечной цели нашего плана и его сути, но они прониклись главной идеей моего послания. Уже завтра апулийские невольники должны быть освобождены из плена римских господ. Что же, осталось посмотреть, что из всего этого выйдет. Признаться, я сам не понимал свою задумку до конца. Порой самый крупный пожар мог начаться со случайной искры.

* * *

До рассвета оставалось несколько часов, а я не находил себе места и десятки раз прокручивал в голове свой план, выискивая в нем недочеты и несостыковки. В лагере кипели приготовления, полководцы собирали вексилляции, искали командиров. У меня не оставалось сомнений, что все будет сделано в срок и на рассвете мы покинем лагерь. Военачальники успешно справлялись без меня. Я же понимал, что извожу себя и трачу попросту силы, поэтому очень скоро решил прогуляться за стены лагеря, вызвавшись проверить наши охотничьи силки, которые гладиаторы ставили на зайцев, водившихся в этих краях. Стоило проветриться, освежить голову и снять с себя напряжение. Я не хотел чувствовать себя разбитым на момент выступления к латифундиям и планировал возглавить одну из вексилляций лично. За мной увязался Рут, он заверил, что разбирается в охоте и давно хотел сходить за силками, но не имел такой возможности прежде. Избавиться от навязчивого гоппломаха не получилось, после долгих пререканий мы вышли из ворот лагеря вместе.

Очень скоро я не пожалел, что взял Рута с собой. Гоппломах, в отличие от меня, оказался удачливым охотником и знал, с какой стороны зайти на зайца, чтобы не упустить. Искусству охоты гладиатор с удовольствием учил меня. Удалось отвлечься от разрывающих голову мыслей, я с интересом охотился, по наводке Рута искал расставленные гладиаторами силки. Время пролетело незаметно, за час мы нашли порядка пятнадцати ловушек, из которых достали с дюжину тушек зайцев, а еще одного подстрелили в миле от нашего лагеря. К моему стыду, единственный найденный мной силоч оказался пуст. Ушастый каким-то чудом удрал.

Собрав тушки, Рут заявил, что сойдет с ума от голода и не дойдет обратно в лагерь. Мы натаскали дров, развели костер на лесной опушке, Рут вызвался приготовить зайца и принялся его свежевать. После заяц был насажен на клинок и вращался на импровизированном вертеле над углями. Гоппломах то и дело поворачивал меч, опасаясь, что пламя подпалит мясо. Он косился на меня исподлобья, будто бы не решаясь завести разговор. Я знал, что слова Рута о желании перекусить прежде, чем мы вернемся в лагерь, были поводом завести разговор. Поводом к разговору было само желание гоппломаха выйти со мной за пределы лагеря в эту ночь. Он искал моей компании, но почему-то не мог напрямую заявить о том, что у него есть ко мне разговор. Мои ноздри уже чувствовали приятный аромат тмина. Заурчало в животе, рот наполнился слюной. В последний раз мне удалось полноценно поесть в лагере, утром прошлого дня. Если трапеза была предлогом для нашего разговора, почему нет?

Костер разгорался. Язычки пламени лизали щепки, перекидывались на бревна, подымались все выше к спяте, на лезвие которой была нанизана тушка крупного зайца, гоппломах помещивал угли.

– Проголодался, Спартак? – Рут на мгновение отвел взгляд от костра и вновь покосился на меня. – Судя по тому, как ты смотришь на этого зайца, ты готов съесть его сырого? Слюнки-то текут?

Я устало улыбнулся.

– Будешь много говорить, съем вместо зайца тебя!

– Обожди, сейчас все будет готово, – заверил гоппломах.

Я подтянул колени к груди, отчетливо улавливая запах жареного мяса. Заяц быстро покрылся румяной корочкой. Я представил, как приятно корочка хрустит на моих зубах, как сок потечет по губам, стекая к подбородку, а зубы коснутся нежного мяса... Рут, видя мое наваждение, довольно хмыкнул.

– Готово, мёоезиец! Кажись, зайчатина получилась что надо, а!

– Не жалко спату? – я уставился на покрытое копотью лезвие меча.

Рут отмахнулся, достал сику из-за пояса, ловким движением разрезал тушку пополам. Часть тушки, нанизанную на лезвие сики оставил себе, другую, оставшуюся на спате, протянул мне.

– Угощайся! Только не обожгись! Горячо!

Не дожидаясь, пока мясо остынет, я приступил к трапезе. Рут впопыхах недодержал зайца на огне, а оттого мясо слегка кровило, но вышло весьма вкусным. Тмин убирал специфический привкус. Обжигая губы, я проглотил первый кусок, даже не поморщившись. Рут, подкрепившийся ягодами во время похода за силками, ждал, пока остынет его кусок. Он долго смотрел на постепенно затухающий костер, потом посмотрел на меня.

– Как зайчатина? Или сам себя не похвалишь, так никто не похвалит? – обиженно пробурчал он.

– Всяко лучше, чем конина, Рут! – ухмыльнулся я.

Гладиатор хихикнул. Пламя костра ярко освещало его лицо, я видел, как сильно изменился гопломах за те месяцы, что мы были знакомы. На лице Рута появились новые морщины, кожа истончилась, выделились скулы. Рут похудел на несколько фунтов, его каменные мышцы превратились в жилы и напоминали канатные узлы. Война выжимала из нас все соки, но вопреки всему мы держались до конца, никто из нас не сдавался. Лагерь в устье Ауфида был сродни глотку свежего воздуха, без которого гладиаторы, несмотря на свое мужество и отвагу, могли зачахнуть.

Я поймал взгляд Рута, устремленный в небеса. Сверкали звезды, ярко светила луна, но я знал, до рассвета остается не так много времени. Нас ждали в лагере с первыми лучами солнца. Пора было возвращаться. Гопломах тяжело вздохнул, принялся забрасывать костер землей, после чего наконец приступил к своему куску зайца. Прошло около двух часов с тех пор, как мы вышли из лагеря, искали силки, разводили костер. Следовало поторопиться, чтобы успеть реализовать задуманное в намеченный срок. Откладывать дела в долгий ящик было не в моих интересах.

Я закончил трапезу, когда Рут обратился ко мне с вопросом, которого я ждал.

– Думаешь, получится, Спартак? – спросил гопломах прямо в лоб.

– Что ты имеешь в виду? – уточнил я.

Рут хмыкнул, тщательно пережевывая мясо беззубым ртом.

– Не делай из меня дурака, лады? Я сразу понял, что ты затеял, эта карта Апулии на совете, латифундии! Ты ведь не просто так сказал дробить наше войско на вексилляции, правда, Спартак?

– И что я затеял, Рут? – с любопытством поинтересовался я, не до конца понимая, куда клонит гопломах, но решив ему подыграть.

Гопломах вытер ладонью свои выпачканные в жиру губы.

– Ты не сказал о своих истинных намерениях на совете, Спартак, – заявил он.

От вопроса гопломаха моя кожа покрылась мурашками. Вопрос был неожиданным. О каких истинных намерениях говорил Рут? На лице гопломаха застыла ничего не выражающая гримаса. Гладиатор внимательно, изучающе рассматривал меня своим тяжелым взглядом, пришлось приложить усилие, чтобы не отвести глаза.

– Тебе стоит пояснить свои слова, – только и нашелся я.

– Не хочешь говорить об этом, Спартак?

– О чем? – искренне удивился я. Рут с каждым своим вопросом удивлял все больше.

– Ты сказал, что жаждешь победы, но разбиваешь наши скудные силы на огрызки? – глаза гоппомаха сузились. – Невольниками с латифундий невозможно управлять. Чтобы обучить их военному ремеслу, нужно время, но захотят ли они учиться? С чего ты это взял?

Я задумался, чувствуя неприятный привкус зайчатины во рту. Желания отвечать гоппомаху не было, но оставить без внимания его вопросы я тоже не мог.

– У меня нет выбора, – холодно ответил я.

Выбора действительно не было. В деле, задуманном мною, существовали риски, складывающиеся при прочих равных в единое уравнение. На деле все могло оказаться далеко не так просто, как радужно выстраивалось в моей голове. Гоппомах вгрызся в зайчатину, долго пытался откусить жилистый кусок, еще дольше пережевывал черствое мясо.

– Ты... – он осекся, задумался, а потом резко выпалил. – Ты безумец, Спартак! Хотя... сколько я тебя уже знаю? Пора бы это признать, брат!

Глаза выедал дым от тлеющих углей почти потухшего костра. Я прищурился, покосился на гоппомаха, поймал себя на мысли, что в данный момент я и Рут разговариваем на разных языках. Либо что-то не договаривал гоппомах, либо я не понимал сказанного. Отвечать на выпад Рута не хотелось. Гоппомах поерзал на промерзшей земле и продолжил.

– Что-то в этом есть, мы развязали эту войну, нам ее и заканчивать! – прошептал он вполголоса, в его голосе чувствовалась боль. – Ты ведь не принуждаешь никого вступать в наши ряды, братья за оружие. Да и мы ничего не сможем противопоставить Риму, ты прав!

– Не принуждаю, – согласился я.

– А я не готов отступить, – горько улыбнулся Рут. – Прямо как и ты, Спартак! Мое сердце бьется чаще, стоит мне представить, что кровь десятков тысяч людей пролита понапрасну! Что будет, если Республика победит? Что станет с остальными рабами, я не говорю про нас, чья участь давно предрешена! Я не готов к этому, Спартак! – Рут замолчал. Обглодал кость, бросил ее в угли, вытер руки. – Я что думаю, если умрут десятки тысяч, но останется хотя бы сотня тех, кто заживет новой жизнью, тех, у кого в свободе родятся дети, мы сможем сказать, что победили в этой войне! Я прав, Спартак?

Глаза Рута наполнились слезами. Гоппомах смотрел в небеса. Вот зачем он затеял наш разговор. Руту хотел высказаться, выплеснуть все накопившееся внутри. Он высоко задрал подбородок.

– Я буду сражаться до конца! – выпалил он. – Все верно, Спартак! Чтобы победить этих свиней, мы должны собраться воедино! Объединить тех, кто жаждет краха Республики! Только тогда у нас появится шанс победить, и я клянусь, что воспользуюсь им сполна... – Рут запнулся, тяжело задышал, наконец слезы покатились по его щекам, теряясь в густой бороде. – Без жертв не выигрывается ни одна война! Увы...

Он не договорил, уронил подбородок на грудь, схватился руками за голову. Сомнения, облаченные в слова храброго гоппомаха, сидели глубоко внутри него. Рут, обычно скупой на эмоции, сегодня излил передо мной свою душу. Я мог только догадываться, насколько тяжело этому храброму человеку с большим сердцем дались эти слова. Гоппомах всем своим нутром переживал за наше общее большое дело. Я подсел к Руту, положил руку на его плечо, крепко сжал.

– Прими эти мысли. В этой битве мы бьемся не за себя, – процедил я сквозь зубы.

– Те люди, которые падут под мечом римлянина...

– Ты сам сказал, что они провели бы всю свою жизнь в оковах, как инвентарь или скот! – я жестко перебил Рута, требовалось встряхнуть гоппомаха, привести его в чувства. – Так почему не объединить силы противников Рима в один кулак?

– Что ты затеял, мёоезиец?

– Я хочу победить в этой войне! Ты веришь мне? – спросил я.

– Верю! Я верю тебе больше, чем себе! Не подумай, что я сомневаюсь, я только лишь хочу знать, что наше дело...

Гопломах вдруг осекся, замолчал, продолжил трапезу, переваривая мои слова. Он потупил взгляд, но я увидел, как румянцем залило его лицо. Возможно, Рут все понял. Меня не покидало странное чувство, что мы разговариваем с Рутом на разных языках и не понимаем друг друга. Мы помолчали. Я начал выковыривать из зубов куски застрявшего мяса. Рут считал со спаты налипшую, а местами пригоревшую зайчатину.

– Спартак, ты правда веришь, что у нас может что-то получиться? – осторожно спросил он.

– Это наш шанс остановить Лукулла, Рут, только и всего, – заверил я.

– Лукулл, – презрительно фыркнул гопломах, бросая в костер налипшее мясо. – Он спит и видит, как поквитаться с нами за Брундизий! Сколько этот напыщенный римский евин потрепал себе нервов, прежде чем высадиться на сушу, после того как мы сожгли порт! Мы как заноза в его заднице! Хочется достать, да не получается!

– Пусть думает все, что пожелает, – отстранение ответил я. – Я все еще оставлю ему шанс...

– Оставь, Спартак, мне не нужны твои объяснения, без того тошно, – устало отмахнулся Рут. – Что бы ты ни надумал, это будет лучше для нас. Скажешь прямо сейчас выступить против Варрона Лукулла, никто не откажется, ты же знаешь! А за мои слова... еще раз извини, я не хотел, да и не имел права давать тебе повод усомниться в себе, я просто хотел убедиться или бы, наверное, сошел с ума.

Я промолчал, пристально рассматривая гопломаха, который закончил очищать меч, небрежно вытер лезвие спаты о край плаща и вернул клинок за пояс. Слова гопломаха приятно согрели душу. После разделения под Гераклием со мной остались лишь те, кто готов был идти до самого конца, невзирая на невзгоды, разочарования и тягости. Я знал, что могу положиться на этих людей в самую трудную минуту, а слова Рута лишь укрепляли мою веру. Реши я ударить по легионам Лукулла, и не было бы среди моих людей тех, кто откажется поднять свой меч. Но такого решения я не имел права принять. Даже в отсутствии легионов Красса, форсировавшего марш-бросок на сам Рим, Лукулл был слишком силен. Его легионы после длительной морской переправы были свежи и готовы к изнуряющим переходам. Прежде чем это произойдет, у нас оставалось совсем мало времени. Не сегодня, так завтра Лукулл перейдет в наступление, и тогда козырь македонского проконсула нам нечем будет крыть. Я делал ставку на сегодняшний день, который расставит все по своим местам.

– Возвращаемся? – я услышал вопрос гопломаха.

Рут протяжно отрыгнул, неспешно поднялся.

– В лагерь, – подтвердил я.

Я поймал себя на мысли, что заяц, приготовленный гладиатором, был отвратительным. После зайчатки хотелось сполоснуть горло водой. Увы, ни у меня, ни у гопломаха воды не было. В горле неприятно вязало, но приходилось терпеть.

* * *

Наш небольшой конный отряд замер на возвышенности, откуда как на ладони открывался вид на равнину, переливающуюся в последних ласкавших землю лучах солнца. В низине расположилось громоздкое, неуклюжее строение, казавшееся каким-то нелепым, несмотря на то, что на первый взгляд имело правильную прямоугольную форму. Загородная усадьба, или, как ее еще называли здесь, вилла, одного из знатных и богатых римских нобилей занимала внушительную площадь, сейчас постепенно растворяясь в темноте. Блеклый свет двух догорающих факелов, разбросанных по периметру виллы, освещал вход с угла, рядом располо-

жила комната управляющего хозяйством вилика. Чуть поодаль стояла. Остальные помещения скрылись за небольшим забором. На вилле не спешили зажигать свет, для себя я сделал вывод, что комната вооруженной охраны пустует до сих пор, а значит рабы все еще находятся в поле на изнурительных работах. Подтверждая мои слова, Рут первым увидел внушительную колонну невольников, которые, буквально валясь с ног от усталости, возвращались после тяжелой пахоты от рассвета до заката. Навскидку их было не меньше ста человек. Рабов сопровождали вооруженные охранники.

– Двенадцать, – пренебрежительно заявил один из моих бойцов.

Я коротко кивнул. Охранников было двенадцать. Дюжина седовласых солдат, которые чувствовали себя вполне вольготно и не обращали на рабов внимания. Каждый был облачен в лорику хамату, носил гладиус, вполне возможно, некогда служил в составе римского легиона. Сейчас охранники о чем-то непринужденно болтали, тогда как рабы шли молча, понурив голову. До чего же надо было довести несчастных людей, чтобы сто человек не предпринимали никаких попыток высвободиться, будучи охраняемыми всего двенадцатью римскими солдатами. Вспомнилось о том, что здесь приравнивали людей к хозяйственному инвентарю, а обращение с человеком было в крайней степени жестоким, губительным.

– Готовы? – спросил я.

– Ждем отмашки, – сообщил Рут.

– Побystрее бы уже, Спартак, а то во рту маковой росинки не лежало! – ухмыльнулся один из моих бойцов.

– Полная боевая готовность! – отрезал я.

Бойцы выхватили мечи. Я осмотрел свой конный отряд из тридцати человек, в подавляющем своем большинстве кавалеристов Рута, и нетерпеливо уставился на небосвод. Все до одного мои бойцы сидели верхом на выхоленных жеребцах, ожидали приказ. С минуты на минуту солнце скроется за горизонтом, в этот момент я дам гладиаторам отмашку выступать. В нескольких десятках миль отсюда выступит Тирн, а вместе с нами еще несколько десятков отрядов гладиаторов, подобных моему, прежде разбитых на вексилляции у лагеря при Каннах. От предвкушения сводило мышцы, но меня не покидала уверенность, что у каждого из разбросанных по округе отрядов задуманное выйдет от и до.

– Все помнят, что требуется делать? – уточнил я.

Никто не ответил. План знали наизусть. Колонна двигалась медленно. Изнуренные пахотой рабы с трудом передвигали ногами. Многие из них спотыкались, получали нагоняй от охранников и едкие комментарии вилика. Маленького роста старикашка завидел приближение колонны, выскочил навстречу рабам и охранникам из виллы и с тех пор не затыкал рот. Фактически являясь таким же бесправным рабом, как остальные, вилик все же имел гораздо большие полномочия. Выглядело это отвратительно. Наверняка, единственное, о чем думали сейчас несчастные, – быстрее оказаться в своей комнатухе размером с мышиную конуру, съесть положенную порцию ячменя на ужин и забыться сном, дабы на следующий день, с новыми силами, вновь отправиться на пахоту в поле. Но прежде им следовало вытерпеть все те издевательства, которые позволял себе сделать один человек в сторону другого. На моих глазах вилик подбежал к колонне рабов, остановился рядом с упавшим на колени гладиатором, принялся кричать несчастному прямо в лицо:

– Вставай, паскудник этакий! Не хватало еще, чтобы из-за тебя пропал урожай! И вот на таких, как ты, хозяин переводит ячмень и воду! Где это видано! – заверещал он, а потом, обращаясь уже к старшему охраннику, добавил: – Этого завтра в кандалы, толку от него на пашне не будет!

Несчастный раб при этих словах попытался подняться на ноги, но, обессиленный, рухнул наземь. Товарищи, стоявшие рядом, безучастно наблюдали за происходящим. Охранникам даже не пришлось касаться рукоятей своих мечей.

– Ты прав, – старший охранник говорил с хрипотцой. – Выведи его из строя и помести в кандалы! Сегодняшнюю ночь проведет в подвале, без ужина.

Вилик довольно закивал, схватил исхудалого раба за предплечья, силясь поднять с колен, но быстро задохнулся в отдышке. Управляющий усадьбой, несмотря на положение невольника, имел солидный животик, второй подбородок и отнюдь не напоминал человека, страдающего от недоедания. Он с трудом поднял раба на ноги и тут же влепил ему оплеуху.

– Слышал, что тебе сказано? Сегодня без ячменя! – просипел вилик гордо.

Раб только что-то глухо простонал в ответ. Возможно, ему уже было все равно, никаких сил у человека, которому предстояло всю сегодняшнюю ночь и завтрашний день не просто провести в кандалах, но и работать в них, не было. Когда несчастный покинул строй, колонна с рабами двинулась дальше. Расстояние между нами сократилось. Солдаты из-за сумерек и собственной невнимательности не замечали укрывшийся на холме отряд. Вилик оторвался от основной колонны, волоча за собой раба. То и дело были слышны его возгласы, управленец угрожал изнеможенному невольнику скорой расправой. Охранники продолжили прерванный разговор, краем глаза поглядывая на рабов в колонне.

Я медленно вытащил гладиус из ножен. Меч приятно тяготил руку. Пора было покончить с беспределом, который происходит на этой земле.

– Начали! – прошипел я и первым отправил своего нумидийского скакуна в галоп.

Повторять дважды не пришлось. Двадцать девять бойцов моего отряда рванули с места в карьер. Жеребцы озорно заржали, прохладный весенний ветер развеял густые гривы, и отряд гладиаторов в сумерках спустился к подножью холма. Охрана не сразу поняла, что происходит. При виде приближающихся из темноты всадников с клинками наголо солдаты замерли, мигом замолкли, с секунду всматривались в наши силуэты, а затем по команде старшего обнажили свои мечи. Надо отдать должное этим головорезам, никто из них не растерялся и отнюдь не собирался отступать. Рабы при виде нашего конного отряда с любопытством наблюдали за происходящим, но остались стоять в стороне, не проронив ни единого слова, опасаясь получить нагоняй от надсмотрщиков. Я скакал первым, и когда расстояние между нами сократилось, старший среди охранников сделал уверенный шаг вперед. С гладиусом на перевес, охранник одарил меня взглядом исподлобья, но слова, которые хотел было сказать головорез, в буквальном смысле слова застряли поперек его горла. Я сделал выпад, удар совершенно чудовищной силы рассек старшему ключицу и угодил прямо в сердце старого солдата. Головорез вскрикнул, опустился наземь, выпустил свой гладиус из рук. Копыта моего нумидийского жеребца втоптали истекающее кровью тело в грязь. Все происходило стремительно! Гладиаторы с остервенением бросились на попытавшихся защищаться охранников возле колонны с рабами. Охрана взяла плотный строй, который быстро рассыпался, стоило всадникам ударить в первый ряд. Жеребцы, подгоняемые наездниками, прошивали насквозь неряшливые ряды незадачливой охраны. Головорезы падали под копыта жеребцов, не в силах устоять на ногах. Жизни обрывали смертельные удары спат и гладиусов. Кто оказался посмекалистей, пытался бежать, но бойцы из моей группы быстро догоняли беглецов. Я приказал убивать всех до последнего. Силы охранников таяли на глазах, когда из углового входа в виллу показались еще несколько десятков человек, услышавших звуки сражения и решивших выяснить, что происходит снаружи. С тех пор как восстание приобрело размах, многие крупные рабовладельцы для исключения провокаций шли на крайние меры и усиливали охрану в разы. Вилла, на которой остановился мой выбор, оказалась не исключением. Хозяин латифундии стянул на охрану своих владений без малого центурию отборных вояк. Большинство из них не были одеты в доспехи, но успели похватать гладиусы и сики. Среди них был тот самый вилик, который, завидев происходящее на улице неподалеку от стойла, вскрикнул и схватился за голову.

– Эй! Кто вы такие? Что вытворяете? Да вы понятия не имеете, чья эта вилла! Безумцы! – верещал он, отступая.

Яростные крики вилика, смешенные с угрозами, только раззадорили моих бойцов! Один из гладиаторов подскочил к колонне невольников, готовых провалиться сквозь землю посреди поля брани. Он остановил своего гнедого, всучил одному из невольников гладиус павшего охранника.

– Вооружайтесь и присоединяйтесь к восстанию Спартак! Теперь вы свободные люди! – прорычал гладиатор.

Раб недоверчиво посмотрел на меч, неуверенно взял гладиус из рук всадника, переложил клинок из одной руки в другую и вскинул гладиус над своей головой. По щекам несчастного потекли слезы, в глазах появился давно угасший блеск. С мечом наголо он бросился в самую гущу сражения, к воротам виллы, где численное большинство было за охранной. Примеру брата по несчастью последовали остальные невольники. Рабы в колонне хватали мечи павших охранников и с криками «Свобода» бросались в самую гущу сражения. Рабов было слишком много, мечей на всех не хватало, но отчаявшиеся люди хватали с земли палки и булыжники. На моем лице застыла улыбка. Невольники, которым сегодня выпал шанс сбросить с себя оковы господина, хотели воспользоваться им сполна. Первые камни полетели в сторону углового входа в виллу, сбивая с толку охранников, все еще размышлявших над тем, с какой стороны ударить по моей группе, добивавшей остатки головорезов из колонны. Несколько человек из охраны нырнули в проход виллы, вскоре оттуда появились щиты. Римляне наспех построились, отбили шквал обрушившихся на них булыжников и двинулись в лоб обезумевшим рабам, которые напрочь позабыли об изнурительном дне, проведенном на пашне, и единым нахрапом бросались на щиты римлян.

– Бейте! Бейте пакостников! – вилик, словно ужаленный, прятался за стеной щитов, всем своим видом показывая, что не имеет никакого отношения к происходящему, а одна только мысль о причастности к восстанию претит его нутру.

Рабы ударили, ничуть не смущаясь выставленной стены щитов. Атака невольников выглядела неумелой, неподготовленной, но отчаянной, поэтому охрана дрогнула. Римляне прижались к выходу из виллы, всеми силами сдерживая напор рабов. Успех невольников не удалось развить, римляне контратаковали, наземь упали первые рабы, сраженные выверенными ударами мечей охраны, из строя выпадали раненые. В неравной битве у невольников не было шанса победить! Я скомандовал гладиаторам поддержать захлебывающееся наступление рабов у входа в виллу. Бойцы из моего отряда устремились к стойлам. Маятник сражения раскачивался, никому не удавалось прочно захватить инициативу. При виде гладиаторов охранники укрылись в вилле. Входная дверь с грохотом захлопнулась, скрипнул засов. Несколько рабов, осмелевших, с мечами в руках попытались выломать дверь, но ничего не вышло.

– Выйдите и сражайтесь!

– Каково вам теперь, а?

Рабы тщетно лупили по двери, с противоположной стороны никто не отвечал. Охранники обдумывали ситуацию, в которой они оказались, и в эти минуты искали выход. Один из рабов попытался просунуть лезвие гладиуса в щель между дверью и стеной. Лезвие клинка зашло почти наполовину, и раб, найдя упор, приложил усилие. Сделал он это с такой силой, что клинок лопнул, а в руках невольника остался огрызок. У него, как и у каждого из невольников, получивших возможность расплатиться с римлянами по счетам, совершенно безумным светом горели глаза. Вряд ли кто-то из них до конца отдавал отчет своим действиям и понимал, что происходит. Двигало этими людьми только одно – неутолимая жажда мести.

– Что дальше, Спартак?

Рут с гладиаторами ожидали распоряжений. Гопломах кружил верхом на своем гнедом в нескольких десятках футов от заблокированного охранниками входа виллы, где толпились невольники.

– Не вмешивайтесь! – отрезал я. – Они имеют право отомстить!

Рабы у дверей затеяли стаскивать к запертой двери тела павших товарищей, блокируя проход. Несколько человек обогнули виллу, возможно, зная о наличии в здании дополнительных выходов. Еще с дюжину невольников скрылись в стойлах, тогда как остальные вскарабкались на крышу постройки, к отверстию дымохода. Я не сразу понял, что затеяли рабы, но очень скоро увидел стоги сена в руках невольников, выбегавших из стойл. Сено тут же забрасывали поджидавшим их на крыше товарищам. Вернулись рабы, которые обогнули здание по периметру. Они держали в руках зажженные факелы. Два факела, висевшие у входа в виллу, уже держали невольники, забравшиеся на крышу.

– Они хотят выкурить этих свиней, – бросил Рут, безразлично наблюдавший за происходящим. – Может быть, поможем им?

Я задумался, но покачал головой. Нет, наша помощь им не требовалась. Рабы вполне могли справиться сами. Да и не выкуривать они собрались охрану, невольники решили удушить своих порабитителей угарным газом, живьем. В помещении, в котором римляне искали себе спасение, был заблокирован единственный выход. Окон в вилле не было, а значит у охраны, забаррикадовавшейся внутри, не было никакой возможности спастись. Извергая ругательства, что-то крича на целой россыпи разных языков, рабы потрошили плотно набитые стога сена, поджигали их и пропихивали в отверстие дымохода. В небо устремились густые столпы дыма, сумерки озарили вспышки пламени. К сражающимся у виллы невольникам присоединялись все новые рабы, выбегавшие из других зданий. Многие из них были заключены в кандалы. Это были те люди, которые проводили большую часть своей жизни в грязных душных подвалах, ходили на виноградники и занимались всяческим ремеслом. Рабы, по разумению хозяев, самые опасные, неконтролируемые. Сейчас они скидывали с себя оковы невольников, присоединялись ко всеобщему, охватившему виллу безумию.

Из здания, в котором оказались заперты охранники, послышались первые крики, перемешанные с угрозами. В дверь застучали, затем на полотно обрушился первый удар. Показалось, под натиском римлян сдвинутся тела, дверь откроется, но невольники, оставшиеся внизу, навалились на тела всем своим весом. Дверь было не открыть. Ругательства и угрозы очень скоро сменились криками, мольбой о помощи, раскаянием и призывами открыть дверь. Тщетно! Ответом был громкий, дружный хохот рабов, подносивших сено к проему дымохода. Люди чувствовали вкус свободы, их было не остановить.

Глава 2

Марк Робертович Крассовский стоял на небольшом холме и с любопытством рассматривал стены гарнизона вечного города. Крепкие, высокие, наверняка сумевшие бы выдержать не одну осаду. Некоторое время назад консулы Спурий Сервилий Приск и Квинт Клекий Секул сделали выбор в пользу туфа, пористой горной породы желтоватого цвета. Из туфа вырезались массивные блоки, выкладывалась крепостная стена в поперечной конусообразной кладке снизу-вверх, что придавало конструкции прочность. Бросалось в глаза, что внешняя сторона блоков туфа тщательно стесана, а по заверениям Лонга, изнутри стены блоки спускались ступеньками, что облегчало оборону защитникам Рима. Выглядел римский гарнизон внушительно, но Крассовский прекрасно знал, что для организации обороны такого огромного крепостного пояса, растянутого не на одну милю в длину, требовался значительный людской запас, время и военный талант обороняющейся стороны. Ни того, ни другого, ни третьего у жителей Рима в запасе не было. Во многом потому, что сенат не ожидал подобной дерзости от претора Красса, которого намеренно было решено отстранить ото всех занимаемых должностей. Да, в вечном городе его ждали только затем, чтобы провести суд, возможно, изгнать, лишить статуса, состояния. Никто из этих толстых, напыщенных курийских жирдяев не мог знать, как в итоге все обернется. Неудобно получилось, когда вместо покаяния и явки с повинной Марк Робертович подвел к стенам Рима свои легионы. Крайне неудобно, но до того Марк Робертович предупреждал сенат о поспешности их выводов в своем письме. Поэтому сейчас им придется пенять только лишь на себя. Он действовал исходя из тех условий, которые были ему надиктованы, не больше и не меньше.

Крассовский прислушался к совету своих военачальников и не стал заходить в сам город. Было решено перекрыть важные транспортные развязки Рима, блокировать его сообщение через такие крупнейшие пути, как Аппиевая и Лабиканская дороги. Для того войско было разделено, Марк Робертович лично возглавил один из легионов, остановился у Капенских ворот, с выходом на Целий, один из семи холмов вечного города. Остальные легионы блокировали Целимонтанские, Эсквилинские и прочие городские ворота. Рим оказался отрезан от внешнего мира. Мосты были сожжены не только для сената, но и для самого Марка Робертовича. Неожиданное появление Красса ставило сенат врасплох, олигарх ждал опрометчивости в действиях римских нобилей. Марк Робертович поставил сильных мира сего в неудобное положение, заставил их почувствовать свою слабость, а теперь давал время принять правильное решение. Второго шанса у сената уже может и не быть. Обратный отсчет пошел...

Республика в том виде, в котором он ее застал, когда только появился в этом мире, больше не могла существовать. Крассовский выдвинул ультиматум, но оставлял за сенатом право выбора. На Форуме, расположенном между Палатином, Капитолием и Эсквилином, понимали, что опущенные решетки на воротах городских стен были лишь миражом. Своими решениями толстосумы обрекли Марка Робертовича на диктаторскую власть.

Крассовский ухмыльнулся, посмотрел на свои руки, медленно сжал кисти в кулаки. В том, другом, мире, теперь таком призрачном и далеком, он был королем в городе на семи холмах. Здесь он станет императором. От мысли, что здесь и сейчас он творит судьбу вечного города, а заодно перекраивает историю целого мира, засосало под ложечкой. Пьянящая, возбуждающая мысль. Не этого ли он хотел всегда? Пощады не будет никому!

Погруженный в свои мысли, Марк Робертович не заметил, как медленно поползла вверх решетка Капенских ворот. В проеме ворот появилась группа людей, облаченных в тоги. Делегация поспешно двинулась к холму, на котором стоял олигарх в окружении своих ликторов. Члены делегации были безоружны, приветственно вскинули руки. Олигарх не отреагировал на

приветствие и молча, с презрением смотрел на двух мужчин, возглавлявших делегацию. Римляне были облачены в тоги с пурпурными полосами и остановились у подножия холма.

– Привет победителю Спартака, претору Марку Лицинию Крассу от консула Публия Корнелия Лентула Суры! – сказал один из них.

Олигарх поежился от этих слов, почувствовав, как к горлу подкатил липкий ком.

– Марк Лициний, мое почтение, от консула Гнея Ауфидия Ореста, – поприветствовал Крассовского второй мужчина.

– Не стоит фамильярничать! – пролаял Марк Робертович, в горле запершило.

– Что ты, что ты! Имею честь приветствовать старого друга, только и всего, – усмехнулся тот, который назвался Публием Сурой. – Или, быть может, ты уже не узнаешь своих старых друзей, Марк Лициний? Я всегда рад видеть таких людей в здравии и благополучии... – он огляделся. – Не вижу своего любимого родственничка Публия Суллу? Где он?

Крассовский промолчал. Разумеется, этого человека он видел впервые и вряд ли знал, что Публий Корнелий Лентул Сура глубоко верил в идею своей исключительности, утверждая, что по Сивилинским книгам трем представителям рода Корнелиев уготована царская власть, которой уже удостоились Цинна и Сулла. Возможно, глубоко уверовав в пророчества и видя в подходе Крассовского под стены Рима свой шанс, Сура, не обращая внимание на презрительный взгляд Марка Робертовича, сделал шаг навстречу олигарху. Он широко расставил руки, попытался обнять Крассовского. Дорогу консулу перегородил Лиций Фрост.

– Займи место рядом с остальными, – скомандовал Фрост.

Сура в нерешительности остановился, взглянул на Крассовского через плечо, расплылся в своей обворожительной улыбке.

– Даже так, Марк... – пролепетал он. – Ты уверен, что поступаешь правильно? В этом мире не так много друзей, а тем более тех, на кого можно положиться в трудную минуту!

Его слова остались без ответа. Видя, что ладонь Фроста легла на рукоять гладиуса, он не решился спорить, вернулся к остальным, встал рядом с бледным и подавленным Гнеем Орестом. Наверняка Орест слышал слова Суры и видел реакцию Крассовского, которому, судя по тому, как изменилось его лицо, слова консула пришлось не по душе.

Над холмом повисло молчание. Консулы с прищуром рассматривали Крассовского, облаченного в пурпурный плащ. Олигарх отвечал им холодным взглядом. Еще бы, сенат тянул время, всячески откладывая решение, вот только это решение им в любом случае придется принять, хотели они этого или нет.

– Зачем ты пришел? – наконец выдал Гней Орест.

Сура, слышав эти слова, резко одернул Ореста, оглядел базирующийся за спиной ликторов Крассовского легион, приведенный в полную боевую готовность.

– Думается, происходящее есть одно большое недоразумение. Будет правильным, если нам удастся обстоятельно поговорить, уладить разногласия, которые возникли. Ты видишь, Марк, что я и Орест пришли к тебе без оружия и готовы на разговор, как к хорошему другу, с которым всегда можно было найти общий язык, – заверил он.

Марк Робертович оскалился, обнажив стройный ряд белоснежных зубов. Аккуратно расправил складки тоги, пожал плечами.

– Отчего-то мне казалось, что друзей с дороги встречают за столом? – он демонстративно обвел взглядом холм. – Вот только я не вижу здесь стола, не чувствую запах вина и жарящегося пороса!

Слова Крассовского поставили Суру в тупик. Было видно, как консул вздрогнул.

– Расслабься, я все понимаю, не хотел ставить тебя в неудобное положение! – хмыкнул олигарх. – Вы, наверное, не успели подготовить стол для старого друга? Все впереди, я человек понимающий и не придиричивый к мелочам, уж тем более когда разговор идет о друзьях! Так сложилось, что я люблю провести время в хорошей компании!

– Рад слышать это от тебя! – вскрикнул Сура. – Может, действительно пройдем к столу? Велю рабам накрыть лучший стол, который ты только видел во всем Риме...

– Не стоит, – грубо перебил консула Крассовский. – Благодарен за твое предложение, но делать этого не стоит. – Марк Робертович повернулся ко второму консулу. – Ты хотел что-то знать, Орест? Не расслышал вопроса? – сухо спросил он.

Консул поспешно потупил взгляд, но его вопрос повторил Лидий Фрост, стоявший по левую руку от олигарха.

– Гней Ауфидий интересовался, что мы здесь делаем, Марк Лициний, – хмыкнул он насмешливо.

– Спасибо, что напомнил, – кивнул олигарх. – Покажи ему, что мы здесь делаем Фрост, не хочу больше слышать глупых вопросов.

Повторять не пришлось. Фрост выхватил свой гладиус и вместе с остальными ликторами бросился к подножию холма, где в растерянности замерли оба консула вместе со своей свитой. Все происходило стремительно. На глазах Ореста и Суры ликторы Крассовского словно свиньям перерезали глотки безоружным людям из окружения консулов, которые не сумели оказать ликторам никакого сопротивления. На все это потребовалось лишь мгновение. Крассовский довольно осмотрел тела, лежавшие у подножия холма. Консулы, запачканные в крови своих людей, так и остались стоять на месте, вряд ли до конца понимая, что произошло. Сура не пошевелился, бледный как поганка, он смотрел куда-то сквозь холм, тогда как Орест поднял вверх руки, его тога задралась, консул желал избежать страшной участи. Удовлетворенный зрелищем, развернувшимся перед его глазами, Марк Робертович продолжил.

– Я бы не пришел, если бы меня не позвали! Я законопослушный римлянин и явился по первому требованию сената! Вот он я, вот вы, высшие магистраты. Почему же вы теперь молчите и спрашиваете, зачем я явился в Рим?

Марк Робертович вдруг понял, что испытывает какое-то особое наслаждение, говоря эти слова. Консулы были готовы провалиться сквозь землю. Олигарх все так же обезоруживающе улыбался.

– Не сенат ли ультимативно приказал мне явиться в Рим и лишил меня чрезвычайного империя, проконсульских полномочий? Я лишился командования в войне против рабов! Да и слухами земля полнится. Слышал, что цензоры собираются лишить меня должности претора, исключить из сената, изгнать из Рима! Я пришел подчиниться воле судьбы! – все это Крассовский выпалил на одном дыхании.

Совершенно растерянные Сура и Орест переглянулись. Говорить начал Орест, первый пришедший в себя после тирады претора и устроенной Крассовским резни.

– Все не так, как ты думаешь, Марк... – выдавил он. – Да, в сенате есть недовольные, которые и вправду озвучивали самые что ни на есть бредовые идеи, что расходятся со здравым смыслом. Если ты пожелаешь, я могу назвать их имена, чтобы ты знал своего врага в лицо. Но ты, как человек практичный, разбирающийся в людях, неужели ты всерьез полагаешь, что сенат, действующий в интересах республики, может допустить такую оплошность, как отстранить от командования легионами лучшего полководца! Да плевать я хотел на сенат, ты думаешь, что я или Сура смеем вынашивать в голове мысли, порочащие твою честь и достоинство?

– Да и кому может прийти в голову такая глупость, если ты сам собрал свои легионы, сам выдвинул кандидатуру для подавления восстания и протянул Республике руку помощи в такие непростые времена! – подхватил Сура. – На кого еще может рассчитывать сенат в отсутствии Лукуллов, после смерти Магна?

– Ты говоришь лишить тебя командования! Так ты просто неправильно понял, речь шла о легионах Помпея, присоединившихся к тебе после смерти полководца. Но смею тебя заверить, уже сегодня сенат должен был проголосовать за то, чтобы ты возглавил эти легионы! А слухи

о цензорах, а уж тем более об изгнании такого видного гражданина, как ты, из Республики, на то и слухи, чтобы занять умы плебса, – развел руками Орест.

– Наверняка ими же и распространяющиеся! – подчеркнул Сура, кровь на его лице начала запекаться. – Слухами земля полнится, как говорится...

– Тут я, конечно, могу поспорить, есть тут такие товарищи, которые спят и видят, как бы насолить тебе сверх меры, но мы об этом обязательно поговорим! Атак, – Орест подмигнул, – устроить гладиаторские бои, раздать хлеба... Ты же знаешь, как решается этот вопрос, Марк! Всех недоброжелателей как ветром сдует.

– Да и где сейчас Спартак? Нет Спартака, поэтому бояться нам больше нечего. Остались одни воспоминания, после того как ты устроил рабам хорошую взбучку... Ты ведь пришел отпраздновать свой триумф, верно, Марк?

Эти двое изворачивались как могли, пытаясь найти лазейки, через которые могли бы ускользнуть от ответственности. Выглядели они при этом жалко и смешно. Одна только мысль о том, что перед ним сейчас оправдываются два высших магистрата Республики, вызвала у Крассовского удовлетворение. Трепотня двух возбуждённых консулов забавляла, Марк Робертович был не прочь слушать их пресмыкательства дальше, но после упоминания Сурой Спартака Крассовский взбесился. Сам того не понимая, консул давил на больную мозоль олигарха. Мысли о том, что Марку Робертовичу пришлось перепоручить доведение своих личных счетов со Спартаком в руки Скрофы, выводила олигарха из себя, но еще больше Марк Робертович злился, когда понимал, что из-под Брундизия до сих пор нет никаких вестей, а главное, у него в руках не было головы раба!

– Заткнись! Заткнись, кому говорю, – заревел он.

Консулы замолчали и виновато смотрели на олигарха. Крассовский тяжело дышал, на его лбу выступила испарина, на щеках проявился румянец.

– Не хочу больше слушать всю эту чушь! – добавил он.

Лица Суры и Ореста осунулись. Орест было хотел что-то сказать, но видя на себе взгляд Фроста, памятуя о судьбе людей из собственной свиты, одумался, громко сглотнул слюну. Они выглядели жалко, будто двое мальчишек, пойманные за непристойным делом строгим отцом. Крассовский гордо выпрямился. Спектакль Суры и Ореста начал ему надоедать. Консулы не до конца понимали или делали вид, что не понимают происходящего у стен Рима. В таком случае следовало дать им понять, что Марк Робертович Крассовский явился сюда отнюдь не для того, чтобы вести пустые разговоры. Сенат прислал сюда Суру и Лентула в надежде, что им удастся договориться с Крассом. Это были авторитетные в Республике люди, не случайно занявшие высшие магистерские должности консулов в столь непростой для Рима период. Возможно, в голову одного из сенаторов пришла отчаянная мысль, что родственник легата Крассовского консул Сура сумеет договориться с олигархом с глазу на глаз. Консулы пришли без оружия, и Крассовский дал им шанс сказать свое слово. Они им воспользовались сполна, другое дело, что ни от Ореста, ни от Суры он не услышал ничего путного, предложений сказано не было, все это была пустая трепотня. Если сенат видел в прежнем Марке Крассе идиота, следовало показать им, что нынешний Марк Красс таковым отнюдь не является. Следующее слово в переговорах было за ним. Олигарх покосился на Лидия Фроста и коротко кивнул.

* * *

Марк Робертович не дождался приглашения сената и вошел в Рим сам. Никаких препятствий на пути олигарха больше не было. Капенские ворота были открыты, а стража, охраняющая арку, бежала еще тогда, когда ликторы Крассовского расправились с делегацией Суры и Ореста у подножия холма. Рим распахнул перед ним свои двери, приглашая войти. Глупо было бы не воспользоваться приглашением. Сенат проявил себя как паршивый переговорщик.

Не имея за собой силы, курийские толстосумы были не в состоянии конструктивно решать проблемы и напрасно считали, что сегодня им удастся спрятаться за спинами друг у друга. В окружении ликторов и алы союзнической кавалерии во главе с префектом Крассовский скакал по улицам Рима к главной его площади, к Форуму, где вот уже много веков подряд решались человеческие судьбы и писалась история Рима.

Улицы древнего города, достаточно узкие для того, чтобы пропустить столь внушительный конный отряд, заставили кавалеристов сбавить темп. Под копыта лошадей норовили угодить случайные прохожие, которых ни капельки не смущал вид вооруженных до зубов кавалеристов. Казалось бы, слух о появлении преторских легионов у стен вечного города должен был испугать римлян, но ничего подобного не произошло. Напротив, когда крики кавалеристов, разгоняющих со своего пути зевак, разносились по улицам Целия, двери домов раскрывались настежь, народ валился на улицу, желая собственными глазами увидеть, что же происходит в городе. Никто не хотел довольствоваться рассказами очевидцев за ужином, каждый хотел увидеть происходящее собственными глазами. Поэтому среди зевак были как едва сводившие концы с концами представители плебса, исконно населяющие Целий, так и представители зажиточного сословия всадников, с каждым годом выкупавших себе все больше домов на холме. Крассовский ловил на себе любопытные взгляды горожан, пытался понять, как эти люди, большинство которых пострадало от бесчинств времен сулланских проскрипций, теперь бесстрашно выходили на улицу вместо того, чтобы запереть накрепко двери. Некоторые вовсе приветственно вскидывали руки, выкрикивали имя претора, желали выразить Крассовскому свое расположение. Прямо здесь и сейчас Марк Робертович не знал, что многие дома на целийском холме находились в личной собственности Красса а их жильцы всего лишь арендуют свои покои и выплачивают крупные суммы в сестерциях прежнему претору, скупавшему недвижимость в Риме небывалыми темпами. Неудивительно, что арендаторы жилья и многие должники Красса, хотели заполучить его расположение. Выглядело это наигранно, но все же тешило самолюбие Крассовского, падкого на подобные уловки и пока ничего не знающего о причинах народной любви.

Кавалерия вихрем обогнула Целий, оказалась на Веллии у Палатина, на всем ходу устремилась к площади Форума и Капитолию, самому малому из семи холмов. Именно у подножия Капитолия в курии Корнелия происходили заседания римского сената. Крассовскому бросились в глаза роскошные здания Палантина, заселенные столичной аристократией и богачами. От предвкушения приятно урчало в животе. Впереди показался храм Ларов, рядом с ним очертания Священной дороги, соединяющей Палатинский холм с низиной, в которой располагалась восточная часть Форума. Шириной с десяток футов, дорога была выложена туфом, и с обеих сторон обочины улицы были заставлены торговыми палатками. Если в начале улицы Крассовский видел на прилавках красивые изделия из золота и драгоценных камней, то ближе к Форуму лавки ювелиров сменили прилавки с фруктами и цветами. Некоторые торговцы при виде кавалеристов принялись зазывать всадников купить товар. Кто-то, видимо, желая избежать ненужного внимания, а возможно, имея печальный опыт, потупив взгляд, начал расставлять свои товары по прилавку, чтобы хоть как-то унять волнение.

На дороге было многолюдно, поэтому Крассовский перевел своего жеребца на шаг и осматривался. В нескольких десятках футах от обочины дороги стояло здание Регия. Три огромные арки, в каждую из которых мог запросто заехать знаменитый слон с груженной колесницей, поражали воображение. В глаза бросалось другое. За резиденцией, будучи функционально соединенной с ней, располагалась еще более интересная постройка, принадлежащая храму весталок, – к Атриум Весты. Это было здание необычной конструкции, чем-то напоминавшее Марку Робертовичу шахматную фигуру «тура». Этакая «тура» была окружена множеством колонн. С крыши здания валил дым, шла ритуальная служба. Неподалеку от храма расположилось здание дома весталок, окруженное двухэтажными портиками на колоннах со статуями

жриц богини Весты. Здание из кирпича имело два этажа, к нему примыкал таблинум и комнаты жриц. В самом центре таблинума стояла статуя Нумы Помпилия из чистого мрамора. От храма к Палантину уводила лестница. Крассовский загляделся на комплекс и почувствовал, как его тело покрылось гусиной кожей. Во истину римляне умели создавать величественные постройки. Марк Робертович, до того не раз бывавший в Риме, сейчас с трудом справлялся с охватившим его восторгом. Много лет спустя ничего того, что он видел сейчас, не было и в помине!

Тем временем кавалеристы, оторвавшиеся от Крассовского, оказались на Форуме, где разгоняли толпу, выстраивались в ряды в пространстве между базиликами Эмилия и Семпрония. Подгоняемая криками кавалеристов толпа отступила к Этрусской улице, в район Велабра, кого-то согнали к Аргилету, в долину Субуру, прочь с площади Форума. Большие залы базилик опустели за несколько минут. Из-за столов по линии колоннады за происходящим у арки с тревогой наблюдали менялы. Опустели палатки в южной части базилик – торговцы, обеспокоенные криками с улицы, превратились в зевак. Судя по выражению их лиц, эти люди сами были готовы в любой момент броситься на утек, бросив товар.

– Думаю, у нас не займет много времени, чтобы остановиться и напоить коней, Марк Лициний?

Это были слова префекта, указавшего Крассовскому на массивный каменный алтарь, на котором были изображены две человеческие фигуры. Сразу за алтарем расположился каменный колодец, напротив него на платформе высотой в четыре человеческих роста, высилось красивое здание. Крассовский сумел прочесть название храма «храм Диоскуров». К пронаосу храма вела широкая лестница, заканчивающаяся возвышающейся платформой. Марк Робертович предположил, что видит одну из ростр, на которой выступали римские ораторы. Подий украшал ансамбль колонн высотой не меньше пятидесяти футов каждая. У храма не было не души, двери были плотно закрыты.

– Что это? – олигарх вопросительно покосился на префекта.

– Источник Ютурны, – ответил Фрост.

– Знаю... – буркнул олигарх, смущенный тем, что его застали врасплох. – Нет, пить будем после того, как закончим начатое! Разбавим этой водой наше вино!

Показалось, что префект после слов олигарха побледнел. Олигарх поймал на себе осуждающий взгляд Лиция Фроста. К своему стыду, Марк Робертович понятия не имел, кто такая или такой Ютурна и чем был знаменит этот источник, но терять время на испытание вод из его источника не было никакого смысла. Теперь, когда он стоял на Форуме, голову вскружила тысяча и одна мысль. Римский форум... Марк Робертович слышал, что некогда в низине холмов Паладин и Капитолий было болото, пронизанное множественными источниками, а первые римляне хоронили на месте будущего Форума своих предков. Звучало жутковато и тем более странно, что место это было выбрано для размещения здесь сначала рынка, а потом и комиций с куриями. Неправда ли символично, что на костях предков, в месте, где Тарквиний Древний проложил Большую Клоаку, решалась судьба Республики?

Марк Робертович улыбнулся, прищурился, обвел взглядом пустые ростры комиций, украшенные носами вражеских кораблей. Мудро, весьма мудро. На месте членов комиций Крассовский уж точно не появился бы на форуме. Да и вряд ли консулы успели созвать центуриатные комиции, теперь же делать это было поздно... Впрочем, кто их знает, может быть, Сура и Орест успели собрать комиции на Марсовом поле, чтобы обвинить Марка Красса в государственной измене! В таком случае куриатная комиция, вручившая прежнему Крассу чрезвычайный империй, имела бы все основания его забрать!

Через ростры комиций виднелось здание курии, носившее имя Счастливого диктатора Суллы. Курии имели два зала для проведения сенатских заседаний и рассмотрения судебных дел. К залу секретариата примыкало здание портика. Марк Робертович скользнул взглядом по

изображению на стене курии со стороны зала суда. Надпись под картиной рассказывала о триумфе римского консула 263 г. до н. э. Марка Валерия Мессала над карфагенянами и королем Сирокуз Гиероном Вторым. Крассовский переглянулся с Фростом, спешил и, поправив меч, двинулся к куриям. Внутри его уже ждали.

* * *

- Красс!
- Что возомнил из себя этот богач?
- Безумец!
- Изменник!

Крики сотрясали своды курий и были слышны задолго до того, как Марк Робертович с ликторами вошли в большой зал сената. Возбужденные сенаторы не сразу завидели гостей. Они поочередно вскакивали со своих мест, перекрикивали друг друга, слышалась отборная брань, проклятия. Облаченные в белые тоги в большинстве своем седовласые толстосумы были перепуганы и совсем не знали, что им делать дальше. Они попали впросак еще тогда, когда молва донесла до здания курий вести об участии консулов Суры и Ореста, чьи трупы лежали у Капенских ворот. Крассовский остановился у входа в большой зал курий, скрестил руки на груди и наслаждался картиной беспомощности сената. Здесь было на что посмотреть!

Только когда испуганные сенаторы увидели незваных гостей, несколько сотен голосов замолкло разом, в большом зале курий Суллы повисла гробовая тишина. Сотни лучших мужей всего Рима, вершивших в Республике высшую государственную власть, с одной стороны и Марк Робертович Крассовский, шагнувший прямо в центр зала, с другой. Специально для этой встречи олигарх надел на себя начищенный до блеска мускульный доспех, новый пурпурный плащ, шлем с гребнем из конского волоса. Рука Крассовского лежала на рукояти гладиуса. Он медленно осмотрел большой зал, скользнул глазами по изумленным, вытянутым лицам сенаторов. С трибун на него смотрели напыщенные гордостью, но бледные физиономии римлян. Олигарх впервые видел их лица и понятия не имел, кто из сенаторов являлся первым среди равных, принцепсом, но хорошо знал его имя – Луций Валерий Флакк. Марк Робертович, все последние дни живущий моментом их встречи, прекрасно знал, что по запросу консулов принцепс первым выскажет свое мнение. Одна незадача, консулов в живых больше не было...

- Марк Лициний Красс прибыл в Рим, как вы этого и просили! – сказал олигарх.

Недолго думая, Крассовский выпотрошил к своим ногам мешок, который держал в руках. На пол упали отрезанные головы, которые принадлежали консулам Оресту и Суре. По рядам большого зала прокатилась волна возмущения. Олигарх услышал смешки ликторов из-за своей спины. Взгляды сенаторов устремились на совсем немощного старика, лысого, дряблого и исхудавшего.

- Луций Валерий Флакк!
- Слово принцепсу!

Послышались голоса сенаторов рангом ниже. Флакк медленно поднялся со своего места. Несмотря на внешнюю слабость, взгляд Луция Флакка все еще был полон жизни и сил. Прежде чем начать разговор, старик буквально испепелил олигарха взглядом, в котором легко читалась едва сдерживаемая ярость. Марк Робертович подумал, что будь этот Флакк немногим моложе своих лет, и он непременно бы спустился со своего места, чтобы вступить с олигархом в схватку.

– Что ты творишь? Я не узнаю тебя, Красс! – прошипел Флакк сквозь зубы, на удивление оставшиеся целыми. – Мне, потомку рода Валериев и одного из основателей Республики Публия Валерия Публиколы, стыдно наблюдать, как один из лучших государственных сынов

рушит все республиканские устои нашего государства! Одумайся! Одумайся, Красс, пока еще не поздно что-либо изменить!

Под сводами большого зала курий Суллы разнесся одобрительный гул. Флакк величественно вскинул руку, призывая к молчанию, ожидая, что претор возьмет свое слово. Марк Робертович почувствовал на себе устремившиеся со всех сторон пытливые взгляды сенаторов разных рангов и возрастов. Он начал медленно прогуливаться по залу, подошел к голове Суры, встал на нее одной ногой, оперся локтями о колено. Флакк, как и большинство сенаторов в курии Суллы, при виде подобной дерзости чуть было не выскочили со своих мест. Напряглись ликторы, но ничего не произошло, сенаторы остались сидеть на своих местах.

– У меня к тебе встречный вопрос, Вислоухий Лидий, – олигарх смотрел себе под ноги, чувствуя, как закипает его кровь и приятно кружится голова.

– Слушаю, претор, чего ты хочешь? – осторожно спросил принцепс.

Крассовский пожал плечами, ответил не сразу, выдержал паузу. Он медленно поднял глаза и впился своим взглядом во Флакка.

– С твоим легендарным предком тебя объединяет только фамилия, старый ты дурак! Да и этой фамилии ты заслуживаешь едва ли! – проскрежетал он и, не давая принцепсу, который буквально захлебнулся от ярости, прийти в себя, продолжил. – Не ты ли в должности интеррекса наделил диктаторскими полномочиями Счастливого Суллу вместо того, чтобы избрать консулов? Не ты ли тогда глубоко наплевал на все республиканские устои, а, Флакк?

При этих словах по зданию курии Суллы разнесся возмущенный ропот.

– Что он такое говорит!

– Скажите, чтобы он молчал!

Крассовский не обратил внимание на гул и возмущение. Слова производили нужный эффект. Подведенные к краю сенаторы искали оправдания своим возможным проступкам, а слова олигарха о выборе Флакка в пользу диктатуры являлись неким спасательным кругом для них самих. Он показал этим людям прецедент, который имел место быть не так давно, автором которого был нынешний принцепс Луций Валерий Флакк. Так чего же стоило Вислоухому Публию вновь стать на протоптанную дорогу? Допустим, во благо республики?

– Что скажешь, Флакк? – насмешливо спросил Крассовский, видя замешательство принцепса, в которое привели его прозвучавшие слова. – Между прочим, я могу не посмотреть на твой почтенный возраст и седину на висках, – Крассовский жадно погладил рукоять гладиуса. – Поверь, любезный, мне ничего не стоит свернуть твою цыплячью шею!

– Ты... – Флакк так и не смог ничего сказать.

Старик вытащил платок, вытер лицо, покрывшееся испариной.

– Последнее дело запугивать сенат, Красс! Тебе это не к лицу! – со своего места поднялся один из сенаторов. Мужчина был широк в плечах, высок и походил скорее на самого настоящего гладиатора, нежели на государственного мужа.

– Чего ты хочешь? Зачем привел к Риму войска? – возмутился другой сенатор со спадающими на плечи седыми локонами волос.

– Ему не дает покоя судьба диктатора Суллы! – добавил третий, под левым глазом которого расплылось большое родимое пятно. – Вот только отчего ты не ввел в Рим свои легионы, Марк? Неужто боишься, что свои же не допустят беспредела?

– Хотите проверить? – улыбнулся олигарх. – Может быть, кто-то хочет повторить судьбу консулов, которые вышли за стены города?

Сенатор с родимым пятном под глазом промолчал.

– Замолчите! – взвизгнул принцепс, Флакк наконец пришел в себя. – Замолчите же вы! Пусть он выскажется.

Крассовский отвесил полупоклон старому сенатору.

– Несмотря на годы ты все еще не потерял хватку, Флакк! Рад, что мы поняли друг друга, – он аккуратно поправил гладиус на своем поясе. – Мудрое решение, потому что, если я не появлюсь перед своими легионами на закате, они имеют приказ войти в Рим. Боюсь даже представить, что станет тогда с площадью Форума и куриями Суллы в частности!

– Они не станут этого делать... – Луций Валерий растерянно замотал головой.

– Хочешь проверить, я повторю свой вопрос! – олигарх приподнял бровь. – Или, быть может, мы все-таки начнем разговор?

– Ты чудовище! – выдохнул принцепс.

Крассовский в ответ только лишь усмехнулся.

– Чего ты хо...

– Это не правильный вопрос! Правильно спрашивать, что требуется сделать! – отрезал олигарх. Вне себя от ярости, Марк Робертович выпрямился, наподдал голову Суры, которая покатила по вымощенному туфом полу, ударила о бортик трибуны, на котором восседал принцепс, замерла. Голову несчастного Ореста Крассовский схватил за волосы и закинул на трибуны сенаторов. Послышался глухой хлопок, с которым голова ударила о ступени, раздались крики – голова закатилась в одну из лож, откуда тут же выбежал сенатор.

Флакк, взгляд которого стал теперь не таким уверенным, а помутнел, отвел глаза, не в силах более наблюдать за происходящим. Глаза на голове несчастного Суры были открыты. Принцепс тяжело, с гулким выдохом опустился на свое место, схватился руками за голову.

– Безумец... – теперь уже шепотом слышалось со всех сторон.

Принцепс не был похож сам на себя.

– Хватит, Красс! Я не хочу, чтобы в Риме пролилась кровь! Прошу, остановись, выслушай мое предложение!

– Слушаю!

– Извини, Марк, прояви уважение к старику и извини меня, я правда погорячился. Стал слишком старым и порой уже смотрю не дальше своего носа. Орест, Сура... – старик запинаясь, стараясь тщательно подбирать слова. – Республика лишилась консулов. Это тяжелая потеря для всех нас, но ты, Марк, показал, что эти люди недостойны занимать то место, на котором они находились, раз не сумели справиться со своими обязанностями.

Флакк взял паузу, ожидая реакции олигарха. Крассовский молчал, стоило выслушать речь принцепса до конца. Не вмешивались сенаторы. Несмотря на почтенный возраст, Луций Валерий славился ораторским искусством, и государственные мужи предпочли отойти на второй план. Зная опыт старика, искушенного политическими интригами, сенаторы решили, что говорить с выскочкой должен принцепс. Флакк продолжил говорить, уверенней прежнего, чувствуя, что выводит разговор в правильное русло. Но как бы не был хорош Флакк, Марк Робертович прекрасно понимал, что старик в конце концов предложит ему отвести от Рима легионы, чтобы нивелировать нависшую над сенатом угрозу расправы. Как бы то ни было, прежде чем перейти к действиям, следовало понять, что может предложить твой враг. Именно поэтому олигарх внимательно слушал распинающегося старика, который покраснел, весь взмок и прятал трясущиеся от волнения руки. Уж в чем, а в переговорах Крассовскому было чем крыть, не зря в России он заработал миллиардное состояние.

– В Республике наступили тяжелые времена, – продолжал Флакк. – У власти как никогда нужны сильные люди, сильные не только телом, но и духом! А где же сейчас брать таких людей, кто не преследует корыстных целей подняться по карьерной лестнице вверх? Что за молодежь пошла нынче? – Луций Валерий скорчил недовольную гримасу на лице, отмахнулся, показывая свое пренебрежение. – Некому нынче поднимать Рим с колен! Теперь-то понимаешь, почему сенат так встретил тебя, Марк Лициний, и не сразу разглядел, что за рукой, в которой ты держишь меч, протянута вторая рука, помощи!

Крассовский расплылся в улыбке. Хорошо выворачивал старик, гладко стелил. Марк Робертович поймал себя на мысли, что принцепсу хотелось верить в его тонкой игре. Видя, что олигарх внимательно слушает, Флакк продолжил.

– Чего уж теперь скрывать, теперь, когда с нами более нет Ореста и Суры, я полагаю, что могу говорить от лица всего сената, господа? – он оглядел римлян, собравшихся в большом зале, возражать никто не стал. – Ты, Красс, видишься мне лучшей кандидатурой на пост одного из консулов, и именно твою кандидатуру сенат будет предлагать центуриатным комициям! Я правильно говорю, господа? – сенаторы одобрительно загудели. – Мы вытянем жребий, узнаем имя интеррекса, который созовет комиции на Марсовом поле! Скоро иды, никто не будет оттягивать с решением! Не мне тебе рассказывать, Марк, что благодаря Счастливому Сулле на наше решение не сможет наложить вето ни один трибун, – Флакк прищурился, пожирая глазами олигарха. – Мы станем крепчайшим оплотом решений, которые вздумается тебе принять! Что скажешь, Марк? Слово за тобой!

Он закончил свою речь, облизал пересохшие губы. Принцепс волновался и несмотря ни на что не мог скрыть своего волнения. Крассовский в ответ приподнял бровь, скрещая руки на груди. Флакк энергично почесал макушку.

– Зная всю преамбулу нашего с тобой договора, было бы разумным, если бы кандидатуру второго консула тоже назвал ты сам, как и имя начальника конницы... – нехотя выдавил он.

– Ты серьезно, Луций Валерий? – спросил олигарх.

– Да-да, вполне, – смутился принцепс. – Я знал твоего отца, Публия Лициния, отличный был человек, блестящий политик, военачальник! Консул, цензор, видный сенатор...

– Не стоит, – мягко перебил Флакка Крассовский, прикладывая указательный палец к губам. – Это все, что ты мне хочешь сказать?

– Нет конечно! – спохватился старик. Он поджал губы, которые тут же побелели от напряжения. Принцепс переглянулся сначала с одним сенатором, потом с другим, и Марк Робертович видел, как мужчины, на которых смотрел Флакк, ответили принцепсу кивками. Наконец, взгляд Луция Валерия вернулся на олигарха. – Ты хочешь стать диктатором, Красс? За этим ты явился сюда? Понимаю твои устремления, так же говорил Сулла, когда со своими войсками подошел к Риму! Сейчас об этом говоришь ты! Просто на секундочку подумай, чем закончилась сулланская диктатура и как кончил сам диктатор? Оно стоит того? – с заботой в голосе спросил он.

– Я хочу, чтобы комиции были собраны сегодня же, Флакк! – взревел Крассовский. – Сегодня я хочу иметь решение и вступить в должность диктатора, или у тебя есть какие-то возражения, принцепс? Какие-то возражения есть у кого-то из вас? – олигарх посмотрел на сенаторов, которые поспешно устремляли свои взгляды к полу.

Люди, собравшиеся в большом зале курии Суллы, мало чем походили на государственных мужей, решавших важные политические вопросы жизни страны. Эти бедолаги больше напоминали кучку напыщенных, до смерти напуганных идиотов, заботившихся о судьбе собственных шкур. Отнюдь не таким Марк Робертович представлял себе древнеримский сенат, при одном упоминании которого многие теряли дар речи. Никто из облаченных в тоги с пурпурными лентами людей даже не пытался что-либо возразить, что-то противопоставить Крассовскому. Смотрелось это низко и мелочно, недостойно не то чтобы политика, а даже римского гражданина.

Старый принцепс, доживающий свои последние дни, тяжело воспринимал происходящее, но все же держался. На щеках Флакка появился румянец, слова олигарха о необходимости собрать комиции, не дожидаясь ид, стали для принцепса сродни глотку свежего воздуха. Флакк с сенатором, тем самым, обладавшим внешностью богатыря, переглянулись, но Марк Робертович не придал этому никакого значения. Крассовскому на секунду показалось, что в

глазах старика вновь зажегся прежний, было потухший огонек. Однако Флакк задумался, вдруг принялся качать головой, казалось, он был готов зарыдать, едва сдерживаясь.

– Куда катится мир, Марк! А я ведь помню тебя розовощеким мальчишкой! Не ты ли спрашивал мои советы, да и я, признаться, брал советы у твоего деда Марка Агеласта, когда только начинал свой путь... – начал причитать старик, но запнулся, закашлялся и вдруг начал задыхаться.

Тело старика свело судорогой, принцепс попытался подняться, даже сделал несколько шагов, но схватился за лестницу, не удержался на ногах. Он издал стон, рухнул обратно на свою скамью на глазах изумленной толпы. Несколько человек бросились к потерявшему сознание старику, чтобы привести несчастного в чувства. Сенаторы вскочили со своих мест. В большом зале курий Суллы началась суматоха, беготня. Крассовский только сейчас увидел, что многие из сенаторов были вооружены и принесли под своды большого зала кинжалы. Оставалось удивляться, почему ни один из них не сумел набраться мужества, чтобы вытащить из-за пояса свой кинжал? Нет, такое понятие, как честь, они спрятали слишком глубоко. Впрочем, Марку Робертовичу было плевать на судьбу каждого из этих людей. Целая куча народу столпилась вокруг принцепса, наконец пришедшего в себя. Олигарх не стал повторять свое требование собрать комиции уже сегодня, эти шакалы, так трясущиеся за собственные шкуры, все и так слышали. Он развернулся, резко двинулся к выходу, но прежде чем уйти, поймал на себе взгляд того самого сенатора богатырского телосложения, который смотрел на него внимательно, будто бы изучая.

* * *

Покинув сенат, Крассовский поселился в роскошном домусе на одной из загородных вилл знатного римлянина. Город покидали в спешке, на какие-то мгновения опережая волну возмущения, прокатившуюся по улицам Рима. Народ не понимал, что произошло. Встреча в сенате произвела фурор. Толпы граждан двинулись к площади Форума, ко входу в курии Суллы, где на древках копий, вколотенных в землю, были надеты отрубленные головы консулов, высших римских магистратов. Слух о варварской смерти Ореста и Суры быстро разлетелся по самым дальним закоулкам вечного города, всколыхнул лучшие умы горожан, искривил общественное сознание. Город будто бы поднялся на уши. Вот только Марку Робертовичу не было до этого ровным счетом никакого дела. Здесь и сейчас главной задачей олигарха было показать римлянам, что ничего уже не будет как прежде. Удалившись в загородную виллу, он давал римлянам время на то, чтобы все это воспринять. Такую цель он преследовал, когда разжигал из искры пламя, и задумка его неплохо сработала. Волна общественного возмущения должна была напрочь отбить у сенаторов желание врубить заднюю и пересмотреть достигнутые в куриях договоренности. Как бы парадоксально это не выглядело, но по разумению олигарха, только лишь выдвижение его в диктаторы могло стабилизировать обстановку внутри города, снять напряженность. Марк Робертович был тем человеком, у которого в руках сосредоточилась сила, и именно при помощи этой силы он мог осуществлять власть. Ничего этого, кроме призрачных регалий, более не оставалось у сената. Единственная зацепка, за которую еще могли зацепиться эти болваны, заключалась в том, чтобы официально утвердить Крассовского в должности, не нарушая государственных норм и не будоража общественное сознание, без того шаткое, готовое в любой момент проломиться под грузом возложенных на него функций. Либо сенаторы принимали правила созданной им игры, либо сама игра пожирала их, не пережевывая. Все, что от них требовалось прямо сейчас, – сделать власть Крассовской легитимной. Это был единственно правильный, разумный вектор политики, которую мог провести сенат, идущий по краю пропасти. Ни новые консулы, ни сенат более не были в состоянии справиться с угрозами и проблемами, которые предстояло решать Риму, а соответственно

его гражданам. Парадокс заключался в том, что никто из граждан Рима эти самые проблемы не хотел решать вовсе. Сословия населяющие вечный город, хотели, чтобы проблемы решались чужими руками, а они, римляне, продолжали вести праздную, развратную жизнь. Олигарх вполне себе мог удовлетворить их пожелания. В его руках были деньги, сила и железная воля. Можно было по-разному относиться к людям, населяющим древний город, но с каждым из них следовало считаться, если Крассовский хотел победить в этой тонкой политической игре. Ломать сложившиеся устои значило окрасить свои руки по локти в крови, погрязнуть в никому не нужные гражданские войны. Те же братья Лукуллы, обладающие войском, ничуть не уступающим его армии, могли запросто оценить подобное развитие событий как узурпаторство и шанс вступить в борьбу за верховную власть. В обратном случае, если Марку Робертовичу удастся пройти по тонкой линии едва ощутимого баланса между прямым насилием, шантажом и демократией, узурпаторами станут сами Лукуллы, желающие обладать властью в Республике. Именно поэтому важным виделась сама необходимость сохранения сената, способного сделать приход к власти Крассовского легитимным. С поддержкой государственных мужей его кандидатура на роль диктатора будет казаться необходимостью, диктуемой интересами государства, а не собственным желанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.